

Ксимена

СЛУГА

ИНКВИЗИТОРА

Ксимена

Слуга Инквизитора. Повесть

«Издательские решения»

Ксимена

Слуга Инквизитора. Повесть / Ксимена — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-531931-9

Жизнь обычного деревенского мальчишки Санчеса Роберто Нортон Рохаса круто изменилась, когда порог их лачуги переступил человек в черных одеждах — инквизитор высшего ранга, глава Совета Инквизиции. Многим тайным знаниям пришлось обучиться Санчесу, чтобы стать достойным слугой своего Господина. Странствия по городам и весям, охота на ведьм и колдунов, встречи с удивительными людьми и таинственными обитателями других миров — обо всем этом и расскажет на страницах книги Санчо-Красавчик.

ISBN 978-5-00-531931-9

© Ксимена

© Издательские решения

Слуга Инквизитора

Повесть

Ксимена

Консультант Сергей Дмитриев
Дизайнер обложки Марго Хассан
Дизайнер обложки Ушин Хассан

© Ксимена, 2021
© Марго Хассан, дизайн обложки, 2021
© Ушин Хассан, дизайн обложки, 2021

ISBN 978-5-0053-1931-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Жизнь обычного деревенского мальчишки Санчеса Роберто Нортон Рохаса круто изменилась, когда порог их лачуги переступил человек в черных одеждах – инквизитор высшего ранга, глава Совета Инквизиции. Многим тайным знаниям пришлось обучиться Санчесу, чтобы стать достойным слугой своего Господина. Странствия по городам и весям, охота на ведьм и колдунов, встречи с удивительными людьми и таинственными обитателями других миров – обо всем этом и расскажет на страницах книги Санчо-Красавчик, расскажет искренне, не скрывая своих ошибок и промахов.

В поисках древнего артефакта, преодолев множество преград, Господин со своим преданным слугой пересекут океан и окажутся в Южной Америке. Удастся ли инквизитору одолеть чародейку? И почему, спустя много веков, они встретятся вновь в маленьком городке на севере России?

*Истории свойственно повторяться, правда,
каждый раз на иных витках спирали времени.*

...XIX век. Север Российской империи. По почтовому тракту из Белозерского монастыря едет коляска, запряженная парой вороных коней. Заметив на обочине маленькую девчушку в сарафане и лапотках – круглолицую, носик пуговкой, с серыми глазенками и торчащими в стороны косичками – седой осанистый священник приказал кучеру: «Епифан, постой-ка!». Вышел из коляски, шутя, дернул девчушку за косичку: «Ну, хороша! А что, красавица, поедешь со мной в Петербург?». У девчушки от восторга загорелись глаза: «Поеду!..».

Когда к тракту с поля подбежали голосившие бабы, быстро удалявшуюся коляску скрыли клубы пыли... от прошлого и будущего... В настоящее...

* * *

Деревня, затерявшаяся среди болот и бескрайних лесов, уютно расположилась на берегу говорливой синей реки. Добротные деревянные избы спускались с крутого косогора до самой ложбины. А дальше – крестьянские огороды, поля с поспевающим хлебом, луга с душистыми травами и скромными полевыми цветами.

Весна в тот год выдалась теплой, с дождями, а лето таким жарким, какое только могло быть в этих суровых краях. От нагретой земли маревом поднимались дрожащие струи нагрет-

того воздуха. Казалось, что даже река замерла в истоме, а ее волны, будто по привычке, лениво накатывались на берега.

У избы с резными наличниками в тени раскидистой липы на скамье сидели женщина с ребенком на руках и древний старик. Трудно было определить возраст женщины: то ли молодуха, то ли постарше? И лишь присмотревшись, можно было заметить седину в волосах да тонкие ниточки морщинок у глаз и рта. Женщина играла с ребенком, а старик, поправляя то и дело сползавшую с плеч телогрейку, сделал ребенку козу:

– Идет коза рогатая за малыми ребятами... Гляди-ка, уцепился малец за палец-то, не оторвать! Хороший внучок-то у тебя, милая.

– Спасибо, Епифанушка, на добром слове, – певуче ответила женщина. – Да и я-то в нем души не чаю, не простой мальчишка растет.

– Твоя кровь. Каким ему еще быть-то? – удивился старик и замолк, услышав доносившийся от речки топот и детский смех.

– Ну, жди, Епифанушка, – засмеялась женщина. – Сейчас твои приятели нагрянут, облепят со всех сторон, и словечком-то не перекинешься!

Старика мигом окружила деревенская ребятня, загалдели, требуя сказку.

– Да я уж все свои сказки вам сказывал, – засмеялся старик, разглаживая усы. – И про Бову-королевича, и про Анику-воина, и про Черного рыцаря, что с ведьмой бился...

– Деда, а ты еще что-нибудь скажи, – не унимались ребята. – Так, как ты, никто больше сказывать не умеет.

Бочком сквозь ораву протиснулась белобрысая девчонка, протянула деду кулек, свернутый из листа лопуха:

– Это тебе, деда. Мы сюда через малиновую полянку шли. Сладкая!

– Ой, умница, не забыли старика, уважили! – дед отправил в рот горсть малины, зажмурился от удовольствия. – Ай, да ягода, чистый мед! Придется вас отдарить, байками потешить. Только сегодня расскажу я вам, пострелята, не сказку, а историю, что случилась в наших краях давным-давно. Слушайте, только, чур, не перебивать.

Дети уселись на траву и замерли...

– Много годов с тех пор прошло, не припомню даже сколько. Жила в ваших краях семья. Подрастала у них дочка – умница да красавица, такая, как ты, – старик подмигнул девчонке, угостившей его малиной. – Как-то раз пошли родители в поле, а дочка за ними увязалась. Строго-настрога наказали ей в лес не ходить, рожь не шевелить, а сидеть и ждать, когда ее поκληнут.

Когда солнышко полдень показало, кинулись дочки, а ее нигде нет. Переполох поднялся до небес – беды угол! Вся деревня искала: кто в лесу, кто по полям да огородам бегал, кто багром в речке шарил. Искали до вечера – нет ее, как сквозь землю провалилась. Тут с охоты мужики возвращались, узнали о беде. Они-то и нашли у тракта букетик привядших васильков, увидели в пыли на обочине следочки махоньких лапотков, а по тракту, видно, коляска проезжала.

Месяц, а то и больше в деревне только и разговору было, что про украденную девчонку. Матери боялись на гульбище даже взрослых девок-то отпускать, а малых в избах запирали. Поговорили об этом, да и стали забывать. Одна мать помнила, слезами умывалась. Бывало, придет в церковь, возьмет свечи-то и стоит столбом, слезы утирает. Подойдет к ней поп-батюшка, спросит, о чем печалится. А она: «Не знаю, батюшка, куда свечи-то ставить: то ли за здравие, то ли за упокой?» А поп ей: «Вот дура, баба! Мертвой-то твою дочь никто не видел, ставь во здравие и возвращение блудной души в родительский дом!». Перекрестился, шепотом добавил: «Бог милостив! Сам разберется, как твои свечи определить...»

– Деда, а дочку-то цыгане украли?

– Нет, милая, не цыгане. Сама она захотела уехать, мир посмотреть, – старик задумчиво глядел вдаль, словно в мареве опять увидел то, что случилось...

...По почтовому тракту из Белозерского монастыря ехала коляска, запряженная парой вороных коней. Заметив на обочине маленькую девчушку в сарафане и лапотках – круглолицую, носик пуговкой, с серыми глазенками и торчащими в стороны косичками – седой осанистый протопресвитер, особа, приближенная к Государю императору, приказал кучеру: «Елифан, постой-ка!». Вышел из коляски и, шутя, дернул девчушку за косичку: «Ну, хороша! А что, красавица, поедешь со мной в Петербург?». У девчушки от восторга загорелись глаза: «Поеду!...».

Так крестьянская дочь очутилась в Санкт-Петербурге. Город ее напугал – огромный, все дома высоченные, каменные. Встанешь на одном конце улицы, другого и не видать. Вцепившись в руку протопресвитера, она только глазами хлопала и вздрагивала. Подошли к дому, где жил Его Высокопреподобие, тут махонькая-то и отчудила: «Ой, что ж это? У Филиппа на прилипе: избу на избу поставили! Батюшка, а не упадет изба-то?». Он засмеялся: «Не упадет, не бойся. Тут мы с тобой жить и будем».

Поначалу определили ее на кухню: там ей привычней, русская печка, как дома. Да и кухарка у Его Высокопреподобия была добрейшей души женщина. Пару-тройку дней девчушка присматривалась, а потом стала потихоньку помогать кухарке. Особенно полюбила ходить с ней в торговые ряды за продуктами. Вцепится в ее длинную юбку, чтобы не отстать, да еще ворчит: «И чего ты, как лошадь петролесовская, бежишь? Глянь, как чинно другие-то идут!» Кухарка с ней и насмеется от души, да глызку сахара в рот сунет. Забавная девчонка, но глаз вострый: все присматривалась, все примечала, на ус мотала.

Как-то вечером Его Высокопреподобие услышал взрывы смеха, доносившиеся из кухни. Спустившись, отворил кухонную дверь. На табуретке посреди кухни стояла малая, одетая в свое, деревенское, повязанная платком до бровей, и пригорюнившись, подперев кулачком щеку, тоненько пела частушки: «Пряла лен-куделюшку, да, шел милый по бережку. Шел милый по бережку на нашу-то беседушку, ох!», «Ой, Заречна, ты Заречна – кривая улица. По тебе никто не ходит, только черна курица», «Меня милый изменил, гуляю измененная. От измены не повяну – не трава зеленая, ой, да!». В кухню набилась прислуга – хохотали все!

– Батюшка, посмотри-ка, поет, как птаха! Да такая серьезная!

С тех пор девчушку иначе, как Птаха и не называли.

Когда Птаха привыкла к новой обстановке, ей справили новое коричневое платье, белоснежный фартучек, кружевную наколку на волосы и совершенно новые баретки – ботинки. Теперь Птахе поручили встречать гостей, которые приходили к Его Высокопредобию. Первое время рядом всегда была горничная Полина, которая учила ее всяким премудростям: как поздороваться, как сделать особое приседание с поклоном – книксен, как принять у гостей шляпу, пальто или шубу, как галоши помочь снять, куда их потом пристроить. Птаха старательно повторяла то, что делала горничная. Все было внове, все интересно! И совсем скоро Птаха стала уже самостоятельно справляться с обязанностями.

Однажды в дом пришел офицер, подал Птахе фуражку и какую-то картонку с закорючками. Птаха, положив фуражку на вешалку, помчалась к Полине за разъяснениями. Полина сказала, что на картонке – визитной карточке написаны имя и фамилия пришедшего и кто он таков. Повторяя про себя фамилию, Птаха, постучав, вошла в кабинет протопресвитера:

– Батюшка, там офицер такой-то вас спрашивают.

Не отрываясь от бумаг, он приказал: «Проси!». Птаха отправилась на первый этаж и, сделав книксен, сказала: «Вас просят».

– Merci, ma chère, – он улыбнулся и подал ей блестящий гривенник.

Что он сказал, Птаха не поняла, но схудоумилась, то есть обиделась, как говорили у них в деревне. А вот что делать с денежкой? Когда гость ушел, Птаха поскреблась в дверь протопресвитера. Протянув ему денежку, спросила:

– Что мне с этим делать? Господин офицер дал мне гривенник, да еще поругался.

– Это твои деньги, Птаха, – серьезно ответил протопресвитер. – Ты их заработала. И впредь, если будут давать, не отказывайся, бери. Складывай в сундучок, потом пригодится... А поругался тот офицер как, не вспомнишь, что он сказал-то?

– Он сказал: мэрс, ма шэри, – обиженно ответила она.

– Ох, насмешила! – протопресвитер расхохотался. – Он не имел в виду ничего дурного, девочка. Он по-французски сказал, что ты милая и поблагодарил тебя за услугу, дал тебе на чай – так принято. Видно, пора тебя учить азбуке и другим наукам. С воскресенья и начнем.

С тех пор все чаевые Птаха складывала в сундучок: кто гривенник даст, кто целковый или червонец, а кто и золотой империял.

По воскресным дням Епифан отводил Птаху в храм, где она пела в церковном хоре, а после службы дяк учил ее «азам, букам» и прочим премудростям. В общем, Птахе скучать было некогда. И все-таки иногда накатывала такая тоска по дому, матушке, батюшке и сестрам, что слезы жгли очи. В такие минуты она сбегала на кухню, чтобы всплакнуть и погоревать...

Шло время, Птаха росла, набиралась ума-разума, ко всему присматривалась и запоминала. А чего не понимала, спрашивала у Его Высокопреподобия. Как-то само собой получилось, что протопресвитер стал брать ее с собой в поездки по храмам. Поручал записывать, что кому велел исполнить, а с кого потом и спросить. Многому Птаха была свидетелем, много слышала такого, чего обычные люди и знать не могли. Беседуя с ней, Его Высокопреподобие посвящал девушку в тайные знания...

– Епифан! – в голосе женщины послышался металл, но взглянув на притихших ребятишек, внимательно глядевших на старика, смягчилась, – ты малину-то доешь.

– Хорошо, милая, хорошо, – заморгал виновато старик и высыпал в рот последнюю горсть спелых ягод.

Ребятня недовольно заерзала, а белобрысая девчонка, воспользовавшись возникшей паузой, робко спросила:

– Деда, а домой-то Птаха так никогда и не вернулась?

– Почему не вернулась-то, было такое дело. Как-то Его Высокопреподобие отпустил ее на побывку в родную деревню. Тут и пригодились денежки, собранные за время службы. Привез ее домой кучер Епифан через много лет, когда никто уже и не ждал. Она в ограду только вошла, а уж полсела сбежалось поглазеть, что за барышня явилась? Повидалась со всеми, повибилась, рассказала о житье-бытье. А погостив, оставила денег родителям и старосте. С той поры, почитай, каждый год Птаха навещалась в деревню и всегда с деньгами. За те деньги кому избы подлатали, кому крыши перекрыли, кому в нужде помогли. Потом школу да богадельню построили, новую церковь-красавицу выстроили. Стала деревня процветать, людям-то облегчение такое Птаха сделала!

Скоро был моя сказывается, много воды в синей речке с тех пор утекло. И стала Птаха первой помощницей Его Высокопреподобия, почитай, за всей его казной следила, копеечка к копеечке – все ведала, за любую мелочь могла отчет дать...

Вы уж, видать, догадались, что тот Епифан-то я и был? Ай, молодцы, пострелята, ничего от вас не утаишь! Много лет да зим с тех пор прошло, многое уж позабылось, а вот один случай, как сейчас, помню.

Ехали мы как-то из одного монастыря. Дорога неблизкая, петлями вокруг болот, среди лесов дремучих, мимо малых деревень с избами да плетнями. Видно, вспомнилась Птахе ее родина. То сидела да щебетала, рассказывала Его Высокопреподобию о денежных делах мона-

стырских, а тут замерла, вдаль куда-то глядячи. Батюшка ее спрашивает, мол, устала, девонька, все в хлопотах да заботах? А она в ответ:

– Нет, батюшка, мы привычные. Задумалась – это да.

– А о чем думается? – улыбается батюшка.

Да и чего бы ему не улыбаться? Он заранее знал, кто чем дышит. Вот однажды я сидел да думал, отчего ж после разговора с ним люди, пребывавшие в горестях или погрязшие во грехах, духом возрождались да домой, как на крыльях, летели? А батюшка обернулся и говорит мне: «А я их исцеляю». Отвернулся и опять что-то писать стал в синей тетради. Господом был дарован ему дар прозорливости. Наверное, знал, о чем и Птаха в тот момент думала, потому и улыбался. И Птаха, зная о его прозорливости, засмушалась:

– Не смею, батюшка, отвлекать тебя своими глупыми мыслями.

– Нет уж, сказала, так продолжай.

Куда деваться-то, когда сам велит поведать о кручине? Рассказала все, как есть:

– Ты только не сердчай, батюшка, я прекрасно понимаю, что все в руке Божией, на все воля Всевышнего. Но нет-нет, да вспомню, как мы с тобою встретились. Чудно до сих пор, как все случилось. Я ведь хоть и малая пуговка была, а помню, что тятеньку с маменькой ослужить бы не посмела. А в тот день как кто тянул меня за васьками. Помнится, показалось, что в моем сплетенном веночке не хватает синего цвета. Вот и пошла к тракту, там по обочинам такие цветы росли, как нигде больше. А тут и ты, батюшка, появился. Ведь мог бы мимо проехать, ан нет! Остановился, из кареты своей вышел, заговорил так ласково с простой девчонкой деревенской, махонькой. Да еще и с собой позвал. Ой, сердчишко-то мое как затрепетало!.. Тот тракт, дорога судьбу мою враз переменяла, в движение привела. Кабы не ты, батюшка, кем бы я была теперь? Уж и гоню от себя эти мысли, а они все возвращаются. Скажи, пожалуйста, почему ты тогда остановился, ведь неспроста это сделал? Что увидел во мне?

– Если бы я тебя тогда не взял, через несколько дней тебя б, Птаха, не стало, – как-то просто, даже буднично отвечив протопресвитер. – Но мне было разрешено изменить твою судьбу.

– Кем разрешено, батюшка?

– Моим Учителем.

– Господи!.. – Птаха, глубоко вздохнув, глаза рукой прикрыла, а потом кинулась руки ему целовать.

У каждого человека своя тайна с Господом, а у нашего батюшки – особенно. Уж как любил его народ за отеческую теплоту и вразумление! Только злые люди добротой нашего батюшки-протопресвитера воспользовались, а ведь уж стар был – не пожалели. Смута в империи началась. Помер наш батюшка, кормилец наш. Уж как мы горевали по нему, одному Богу ведомо. Сколько верст на руках служивые несли гроб-то до самой могилки, всю дороженьку устлали ельником. Похоронили сокола ясного, батюшку нашего, а мне велено было спасти ее, увезти из Питера подальше. Такова, значит, последняя воля кормильца нашего была... Душа-то до сих пор так по нему скучает. Русь святая, храни веру православную!

– А дальше-то чего было, деда?..

– Епифанушка, смотри-ка, мой малец под твои байки и заснул, – тихо сказала женщина. – Пойду в избу, уложу его.

– Иди, милая, иди, – вздохнул старик и опустил подбородок на скрещенные на палке руки. – Привез я Птаху-то в родные края, да и сам тут остался. Приглянулась мне тут Дуняша, душой к ней прикипел, женился, деток вырастили. Вот и живу тут, хлеб да щи жую. Так-то, ребятишки, жизнь Птахи сложилась, вашей землячки.

– А где она сейчас? – спросили сразу в несколько голосов.

Старик посмотрел вслед ушедшей в избу женщине и пожал плечами: «Кто знает? Может, тут рядом, может, дальше судьба унесла»...

* * *

Мальчик проснулся до рассвета, когда ночная тьма медленно начинала рассеиваться, неохотно уступая место приближавшемуся рассвету. Казалось, что ночная темень уползает за реку, поджавши хвост, как испуганная собака...

Он любил эту горницу, где ему так славно жилось и игралось. Ему нравилось тут все: старинный бабушкин сундук, покрытый домотканой пестрой дорожкой, божница с иконами и лампадкой, которую бабуля зажигала в сумерках, комод с фигурными ручками, покрытый белоснежной кружевной накидкой. На комодке стояли фарфоровые фигурки пастуха и пастушки, еще какие-то хрупкие бабулины безделушки (мальчику их брать не разрешалось). И, конечно, пузатый глиняный кувшин, в котором всегда были цветы: весной и летом – свежие, а в холодное время – букет из ароматных засушенных веточек зверобоя, бессмертника и рябины.

Еще в горнице стоял резной буфет темного дерева с двумя тумбочками по сторонам, кучей ящичков, полочек со стеклянными дверцами, из-за которых выглядывали парадная сахарница, чайник, расписные чашки, в другой половине стояли стопкой тарелки. Этот хранитель семейного уюта таил в себе множество маленьких тайн. Например, сверху, с дальней полки бабуля доставала для мальчика лакомства – кусочек сахара или ириску. А еще в буфет частенько наведывался домовой – маленький старичок с длинной бородой в шапочке и лапотках. Мальчик сам видел, как он тащил оттуда кусочек печенья или конфету. Один из ящичков бабуля всегда запирала на замок, а ключик прятала в карман. Как-то случайно мальчик увидел, что бабуля клала туда потертую тетрадь или книгу в синей твердой обложке. А в другом ящичке лежало настоящее сокровище – бабулина чайная серебряная ложечка. Мальчику она так нравилась, что он все выпрашивал ее у бабули, когда они садились пить чай. Бабуля смеялась и говорила: «Вот помру, все твое будет, родной мой!». А мальчик, насупившись, отвечал: «Нет, ты лучше живи долго!».

Но больше всего мальчику нравилась его кровать, стоявшая напротив окна. Ложась вечером в постель, он поворачивался на бок так, чтобы в окне было видно черное бархатное небо, усеянное таинственно мерцающими звездами. Окно было его секретной дверцей в другой мир. Устроившись поудобнее на подушке, он глядел на звезды и мечтал о неведомых мирах и путешествиях. И утром, едва открыв глаза, он сразу видел за окном дорогу, убегающую вдаль, блестящую под солнцем речку и дальний темный лес...

Проснувшись перед рассветом, мальчик как обычно посмотрел на окно и замер от неожиданности. На подоконнике вырос огромный дуб, по краям от него простирался лес, где росли деревья поменьше и кудрявились кусты. Мальчик, внимательно вглядываясь в загадочный, выросший вмиг лес, заметил какое-то неуловимое движение. Приподняв голову с подушки, он не отводил пристального взгляда от леса: что же там движется? И вдруг увидел маленьких человечков в грибных шляпках на головах. Так вот кто там бегают – человечки-грибочки, эти-кие крепенькие боровички! Мальчик зажмурился и потряс головой, чтобы прогнать видение. Но, открыв глаза, он снова видел ту же картину: на подоконнике рос волшебный лес, а под дубом сновали туда-сюда маленькие человечки. «Что же они делают?» – заинтересовался мальчик. А потом неожиданно спросил себя: «А откуда они тут, зачем, почему я их вижу?». Ответ никак не приходил. Мальчик решил подойти к лесу поближе, чтобы лучше рассмотреть человечков. Вскочив с кровати, босыми ногами зашлепал к подоконнику, на котором только что видел чудесный лес и малюсеньких лесных жителей – боровичков. Ой, какое разочарование! Чем ближе он подходил к окну, тем бледнее становилось видение, дрожало и расплывалось, растворяясь в пространстве, перетекало за окно. Перед ним на подоконнике стоял столетник...

«Нужно обязательно рассказать об этом бабуле, – подумал мальчик. – Как жаль, что она этого не увидела!»

Однако бабули не было дома: мальчик это понял сразу (он чувствовал ее с младенчества). Накинув на плечи бабулину кофту, он вышел на крыльцо, всматриваясь в рассеивающуюся тьму...

На берегу реки нетерпеливо переступал с ноги на ногу вороной конь, а всадник в черном плаще, наклонившись с седла, что-то говорил бабуле. Она отрицательно покачала головой:

– Дивья тебе (хорошо тебе) гарцевать по мирам да временам. Нет, даже не заикайся о том! Вон, давеча мальчонка опять ангелов во сне видел. Пусть все идет своим чередом, Учитель. Все, что нужно, помаленьку ему скажу, передам, что смогу. Но веры он будет нашей, православной, о другой и думать забудь! Прощай пока, храни тебя Всевышний, да береги моего мальчика.

На крыльце бабуля увидела озябшего внука, обняла, прижала к себе, согревая.

– Бабуль, а с кем это ты у речки говорила? – неожиданно спросил внучок.

Бабуля оглянулась на реку: над водой поднимался туман.

– Окстись, родной, тебе померещилось. Пойдем-ка лучше в дом. Я и у речки-то не была, – и осеклась.

Внук смотрел на нее абсолютно черными глазами инквизитора и требовал знаний... в настоящем... из прошлого и будущего...

– Бабуль, расскажи, кто он? – совсем по-взрослому спросил мальчик.

Бабуля всегда ждала этого вопроса, но не думала, что это произойдет так рано: как ребятенку-то объяснишь вещи, которые не каждый и взрослый-то человек поймет? Но Кодекс Зова – зова памяти предков и прошлых жизней требовал: если тебе задали прямой вопрос, ты обязана ответить так, как считаешь нужным, но честно и прямо.

– У каждого из нас, внучек, есть свои Духовные Учителя, правда, не каждый о них знает...

– Этот человек на коне – Духовный Учитель? А кого он учит?

– Он много кого учит, – бабуля улыбнулась. – Но придет время, и он станет учить тебя. Он сам решит, когда ты будешь готов, а пока он навещает в гости, присматривает за тобой.

– А у тебя есть Духовный Учитель, бабуль? – заинтересовался мальчик.

– Есть и у меня Учитель, как же без него?

– А почему он за мной присматривает? А я тогда кто, ученик, что ль? А чему он меня учить-то будет, расскажи, бабуль, ну, пожалуйста, расскажи...

– Пойдем-ка в горницу, родной мой. Ишь, застыл весь, как ледышка! – вздохнула бабуля. – Сейчас попьем чайку и... расскажу я тебе одну историю...

* * *

Средневековье. Рим

В апартаменты Папского дворца вошли трое мужчин.

– Присаживайтесь, Ваше Величество, – Папа Римский в расшитой золотом мантии и тиаре, усыпанной драгоценными камнями, широким жестом обвел зал. – Чувствуйте себя, как дома.

Король, откинул пелерину, отороченную мехом выдры, поправил серебряную перевязь меча и присел в роскошное кресло.

– Ваш неукротимый охотник за ведьмами заставляет нас ждать, – ворчливо произнес государь и, постукивая ногой о мозаичный пол, добавил, – а время не ждет, мессеры!

– Простите, Ваше Величество, он прибудет с минуты на минуту, – тихо заметил Великий инквизитор в черной сутане с белым воротничком – колораткой, положив руку на крест, висевший на его груди. – Ворон прилетел полчаса назад.

– Ворон? – удивленно переспросил государь. – Вы хотите сказать, что он использует ворона в качестве курьера? Оригиналу, однако! Посмотрел бы я на него, каков он в деле, да только заботы государевы не дают нам такой возможности.

Папа и Великий инквизитор тайком понимающе переглянулись.

– Не спешите делать выводы, Ваше Величество, – рассудительно заметил понтифик. – Он, действительно, лучший из лучших. Вы, сир, убедитесь в этом сами.

– Дай, Боже, чтобы вы, Ваше Святейшество, не ошиблись. Ошибок мы не прощаем! – вскочив с кресла, жестко ответил король. – Вы рассказали так много невероятного об этом охотнике за ведьмами, что повергли нас в изумление. Столь складно и искусно рассказанные небылицы создали впечатление, что мы беседуем с менестрелями. Или ваш охотник – черно-книжник?

Брови Папы поползли вверх, а лицо приняло удрученный вид. Великий инквизитор, дав знак понтифику не вмешиваться в дискуссию, спокойно ответил:

– Он – инквизитор высшего ранга, Ваше Величество. Вы – отважный воин, доблестный рыцарь и великолепный охотник. Смирению прошу Вас ответить на вопрос: можно ли вступить в бой с врагом, не зная силы его армии и особенностей ведения боя? Можно ли начать охоту, скажем, на волка или кабана, не изучив его повадок и не владея искусно оружием?

Не дожидаясь ответа от удивленного таким поворотом дела монарха, Великий инквизитор, понизив голос, доверительно добавил:

– Да, Ваше Величество, наш охотник обладает весьма специфическим знанием и умениями, необходимыми в деле. Чтобы победить сильного соперника, нужно быть во сто крат умнее, сильнее и расчетливее, нежели он. Конечно, чему-то можно научиться, но у нашего охотника эти знания врожденные, отшлифованные великими учителями Святой Инквизиции. Позвольте заметить, что высший ранг в нашей Конгрегации присваивается очень немногим, а уж инквизиторов с врожденными способностями и вовсе можно пересчитать по пальцам. В тяжелейших испытаниях, выпавших на Вашу долю, это просто дар Божий, сир. Не упустите свой шанс удержать трон и сохранить жизни королевской семьи.

– Посмотрим, посмотрим, – пробормотал король в задумчивости. – Нам хочется надеяться, что неукротимый охотник именно таков, каким вы его представили, мессеры...

Пройдясь быстрым шагом по залу, он, отодвинув тяжелую портьеру, выглянул в окно и спросил:

– Здесь безопасно, мессеры? Наш разговор никто не подслушает?

– Ваше Величество, мы приняли самые строгие меры, чтобы сохранить конфиденциальность, – все также тихо ответил Великий инквизитор.

– Ну-ну, – неопределенно произнес король, положив руку на рукоять богато украшенного меча, и, заметив отворившуюся дверь, в которую входил секретарь понтифика, нетерпеливо бросил, – охотник, наконец, явился? Проси, проси же! Мы устали ждать!

– Инквизитор высшего ранга, глава Совета инквизиторов и сопровождающий! – распахивая двери, громко объявил секретарь.

В зал стремительно вошел седовласый мужчина крепкого телосложения в сутане и черном плаще с алым подбоем, за которым следовал молодой парень в сюрко с гербом инквизитора. Склонив голову в знак приветствия высокопоставленных особ, инквизитор произнес:

– Ваше Величество, Ваши Святейшества, приношу свои глубочайшие извинения за невольную задержку: пала загнанная лошадь. Я к вашим услугам и весь внимание.

Окинув взглядом вошедшего, король мгновенно оценил и стоимость одежд инквизитора, и его благородные манеры, и спокойную уверенность в себе. «Кажется, его достоинства нам не преувеличили, но мы еще проверим его в деле», – подумал он.

– Мессер инквизитор, в нашу страну пришла большая беда и разорение, – начал государь. – Некто, провозгласив себя почти королем, попирает наши законы, данные нам Господом, и мечтает увидеть себя на нашем троне. Скрепляя камни своего владения кровью наших вассалов, он вверг себя в ересь, сея смуту среди простолюдинов. Нашей жизни грозит смертельная опасность, а моя венценосная супруга пребывает в отчаянии. Мы глубоко озабочены теми событиями, которые творятся в наших краях дьявольским отродьем. Впрочем, сначала прочтите, что пишет епископ...

Секретарь понтифика передал инквизитору свиток с печатью на ленте, приняв который инквизитор высшего ранга тут же передал своему слуге. Почтительно поклонившись, молодой человек развернул свиток и начал читать, отчетливо выговаривая слова:

«Ваше Святейшество, обращаю взоры свои на Святую Церковь и молю Господа о помощи.

Полчища бесов вторглись, к ужасу нашему, в земли обители.

Последние десять лет творились в округе монастыря кровавые жертвоприношения, с коими мы с Божьей милостью справлялись, призывая Святую инквизицию и очищая паству от ереси и дьявольских козней, спасая их души.

Несмотря на наши многотрудные усилия, в последнее время проявления чародейства и ведьмовства становятся все более изощренными и жуткими. Умерщвление младенцев, наузы, иссушение ранее роскошных нив и садов, градобитие, похищение девственниц и другие беды обрушились на наши грешные головы.

По признанию безумной девы, найденной с переломанными костями у замка барона Венсана Монтеро, ее соблазнил демон и возлег с нею, а затем дракон унес ее в замок, где барон намеревался замуровать ее заживо в крепостную стену. Из бессвязных речей сей девы мы поняли, что барон одержим желанием объявить войну Его Величеству, имея все шансы на скорую победу с помощью демонокристалла и костей мертвецов...

Довожу до вашего сведения, что инквизитор, допрашивавший юродивую, на следующее утро был найден мертвым: несчастный был задушен, распят, а сердце его было выжжено. Ежечасный страх охватил паству, зреет смута. Нет возможности собирать налоги, ибо народ терпит нужду и голод...

С трепетом уповаю на Вашу мудрость и прошу защиты прихода и паствы, подданных Его Величества. Да хранит Вас Господь...»

Закончив чтение, слуга инквизитора передал свиток своему господину. Взглянув еще раз на текст, написанный епископом, инквизитор отдал письмо, заметив:

– Мрачное послание.

– Более чем мрачное! – поддержал его король. – Мы не можем спать спокойно, пока в нашей стране творит беззаконие слуга дьявола, истребляя и смущая наших подданных.

Государь, глядя в глаза инквизитору, пошел ему навстречу, продолжая речь:

– Знавал я одного из Монтеро: редкий был подлец, но богат, как Крез!.. Возмутительно, что Святая Церковь и Инквизиция не могут изобличить одного, двух ублюдков, сеющих страх, смерть и ересь. И при этом подбивающих наших вассалов к смуте против короля!

При этих словах он выхватил меч, направив острие в грудь инквизитору. Казалось, еще мгновение и король пронзит его, но... что-то пошло не так, как рассчитывал Его Величество. Не доходя пяти шагов до спокойно глядевшего на государя инквизитора, он будто споткнулся, налетев на невидимую стену. Меч дрогнул в ослабевшей руке и, если бы слуга инквизитора не подхватил короля, он бы рухнул на пол зала.

– Ваше Величество, – тихо проговорил слуга на ухо королю, – не советую приближаться к моему Господину, это опасно для вашей жизни. Немедленно уберите меч. Позвольте, я помогу вам добраться до кресла.

– Мы только хотели проверить, каков охотник за ведьмами в деле, – король, проглотив комок в горле, только кивнул головой, попробовал улыбнуться и рухнул в кресло.

– Это только малая толика его умений, Ваше Величество, – слуга поднес ему кубок воды.

– Санчо!.. – предупредительно окликнул слугу инквизитор. – Приношу свои извинения, высокочтимые сеньоры.

– Козни врагов наших неисчислимы, – король поднес кубок к губам и, едва пригубив, отставил его в сторону. – Его Святейшество нам много рассказывал о ваших достоинствах, мессер инквизитор. Теперь мы видим, что превозносили вашу духовную силу и качества истребителя ведьм не зря. Кажется, я могу доверить вам судьбу нашего королевства. Мы надеемся на ваши знания и преданность, ибо враг на этот раз оказался силен и коварен.

– Благодарю, Ваше Величество, за такую высокую оценку моих скромных возможностей, – поклонился инквизитор высшего ранга. – Я приложу все усилия, чтобы оправдать ваше доверие. Итак, к делу. Сколько времени у нас на подготовку и каковы мои полномочия?

– Времени... у тебя почти нет, инквизитор. Выезжаете через день. Полномочия – самые широкие, вот грамота Его Величества, которую, надеюсь, он немедленно и подпишет, – подвел итог Великий инквизитор. – Твое дело – подготовиться, найти виновника бед государя и осуществлять общее руководство сыском и дознанием. Чувствую, что без кровавой схватки здесь не обойдется. В саму битву лезть категорически запрещаю, знаю я тебя!

– Как только предварительное следствие будет завершено, сообщи, в чем корень зла. Его Величество поручил герцогу де Фортье оказывать тебе всемерную помощь, – добавил Папа Римский. – «Да будет имя Господне благословенно... Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Амен...»

* * *

– ...Вот этим инквизитором, охотником за ведьмами, и был ты, внучек. Только не в этой, а в той, давней, другой жизни...

Уж больно притих внук, даже дыхания не слышно. Бабуля взглянула на мальчика, подумав, не задремал ли? Но на нее глядели широко распахнутые ясные глаза ребенка.

– Бабуля, а разве у нас есть другие жизни?

– Есть, милый, и не одна...

САНЧЕС РОБЕРТО НОРТОН РОХАС

Вечер выдался на редкость теплым и тихим. Как сказал мой Господин, затишье перед бурей. Совсем скоро мы увидим рассвет. Наверняка он окажется ярким, багрово-кровавым, и многим будут отпущены их грехи...

В такие вечера я думаю о том, что люди часто хотят оставить о себе память, какой-то свой след на земле. Но этот след обычно смывают волны времени и на том месте уже другие пишут свои имена. Только слово, оставленное на бумаге, время пощадит. Пройдут десятки лет, кто-то найдет мои письма, узнает о моем Господине и обо мне, грешном, а какой-нибудь мене-стрель сочинит о нас славную балладу. Скорее всего, этого не случится, ибо те истории, которые оставляю в свитках, я и уничтожу при малейшей опасности. Этого никто никогда не узнает!

Зачем же я это делаю? Мой Господин приветствует культ писания. Он говорит, что в начертанном слове заключен ключ к познанию тайн бытия. Более того, не раз заставая меня с пером в руках, он как-то даже приказал: «Пиши, Санчо, пиши свои летописи! Начертание

букв, складывание из слов фраз обязательны, дабы не потерять связь тела с душой и разумом». Я не понял тогда истинного смысла его слов, но запомнил. На всякий случай.

Вот я и строчу свои байки, когда выпадает свободное время. Но просто так мне это делать скучно. И я придумал себе игру, как будто сижу в таверне, ем луковый суп или жаркое, пью вино и рассказываю свои байки обывателям. А мои новые знакомые слушают меня, раскрыв от изумления рты. Итак, я начинаю...

– Буэнос тардес, почтеннейшая публика! Позвольте представиться: Санчес Роберто Нортон Рохас, к вашим услугам, сеньоры. Я пожелал вам приятного вечера по-испански, но это говорит лишь о том, что сейчас я в Испании. Мы много путешествуем, приходится общаться с разным народом, поэтому мой Господин немножко обучил меня языкам иноземцев. Вы спросили, кто мой Господин? Отвечу: я – слуга инквизитора. Мне двадцать четыре года, из них больше двадцати я с моим Господином.

Вам интересно, как меня угораздило попасть в услужение к сеньору, одно упоминание о котором вызывает у вас ужас и бессонницу? Я же вижу это по вашим лицам, не отрицайте! Скажу так: вы наслушались сказок от старух с окраин ваших селений. Добрее моего Господина только Его Святейшество Торквемада, слово чести! Это шутка, сеньоры. Я только спрошу вас: бывало ли, что ваш скот начинал корчиться в муках или переставали доиться козы и коровы, пересыхал единственный источник пресной воды, на полях не вызревали ячмень, овес или рожь, а на людей нападал мор? И куда вы шли за помощью? Конечно, в Святую Церковь, куда ж еще! Мой Господин – ревностный служитель церкви и этим все сказано. Скольких таких, как вы, он спас от колдунов и ведьм, не счесть. И многому я был свидетелем.

Вы все еще хотите услышать мою историю, как я стал слугой инквизитора? Я готов вам поведать об этом. Я мало что помню из своей младенческой жизни, но история появления в ней моего Господина врезалась в память навсегда.

Мы жили в маленькой деревушке недалеко от мрачных, но величественных серых гор, покрытых пихтовыми лесами. Хорошо помню свою матушку, которая вечно хлопотала по хозяйству, немного помню старших братьев и сестру. Впрочем, к делу это не относится.

Однажды в дверь нашей лачуги, крытой соломой, вошел человек, одетый в черное. Штаны, верхняя рубашка – бليу, плащ с капюшоном, мягкие сапоги и даже перчатки – все было черного, как безлунная ночь, цвета. Мои братья, бросив свои дела, мгновенно куда-то исчезли с перепугу. Я же играл на полу и, пристраивая одну щепку к другой, не обратил никакого внимания на вошедшего.

Понаблюдав за мной несколько мгновений, незнакомец позвал меня: «Санчито!». Я нехотя оторвался от игры и обомлел: на груди у человека на толстой витой цепочке висела такая игрушка, каких в наших краях отродясь не видывали. Сквозь щель в ставнях маленького оконца на игрушку упал солнечный луч, и она блеснула тусклым золотистым цветом. Откуда мне было знать, что этот медальон – знак принадлежности к святой инквизиции?

Слегка улыбнувшись краешком губ, незнакомец подхватил меня на руки и присел на скамью у стола – потолок был слишком низок для него. Я потянулся ручонками к блестящей игрушке и начал забавляться с нею. И тут в лачугу вбежала запыхавшаяся и растрепанная матушка. Увидев меня на руках у незнакомца, она замерла у распахнутой двери и стала торопливо поправлять волосы.

– Приветствую тебя, женщина, – сказал человек в черном и попросил воды.

Матушка схватила деревянную кружку и, зачерпнув из кадки родниковой воды, с поклоном подала ее незнакомцу. Напившись, он передал меня матери, а я, недовольный тем, что теперь не могу дотянуться до игрушки, заревел во все горло. Матушка сунула меня вошедшей в дом сестренке и спросила дрожащим голосом:

– Чего изволите, преподобный отец?

Он ткнул пальцем в мою сторону и негромко произнес:

– Собери Санчо в дорогу. Я его забираю, будет мне служить.

Матушка, завопив и заливаясь слезами, упала ему в ноги и, стоя на коленях, стала целовать ему руки. Незнакомец слегка отстранился:

– Ну, будет, будет! Не обижу, – из кармана он достал какую-то небольшую круглую штуку и, подержав над огнем очага, стукнул ею по двери лачуги. – Это моя личная печать, женщина. Кто бы теперь ни вошел в дверь, он увидит, что вы под моим покровительством. Да и деревушка ваша тоже...

Повернувшись к двери вполоборота, он добавил:

– Принесешь Санчо, как только он будет готов, к колодцу у дома старосты.

Тут я, хоть и был мал, сообразил, что меня ждут большие перемены. Я не хотел уходить в неизвестность один и стал лепетать, махая руками: «Пако, Пако!». Только матушка могла меня понять! Незнакомец внимательно посмотрел на меня и, вопросительно вздернув бровь, спросил у матушки:

– Где он?

Матушка не поняла вопроса, смутилась, затеребила передник:

– Кто «он», преподобный отец?

Незнакомец опять улыбнулся своей странной улыбкой, только краешком губ и, взглянув по сторонам, добавил:

– Твой сын, а мой слуга Санчито просит отдать ему друга Пако... из курятника.

– Санта Мария! – матушка всплеснула руками. – Как вы догадались, отец мой?! К курятнику иногда прилетает вороненок, с которым Санчо играет. Но как угадать, прилетит ли он сегодня?

– Прилетит. Посадите его в клетку и принесете туда же вместе с мальчишкой, – бросив на стол несколько монет, человек в черном вышел.

Вскоре с поля вернулся отец, которого соседи известили о визите незнакомца. Матушка мыла меня в лохани и с восторгом рассказывала отцу, как нам повезло, теперь наш Санчес Роберто Нортон Рохас выбьется в люди, будет служить самому господину инквизитору, а тот пообещал нам покровительство и дал денег...

Так я впервые услышал слово «инквизитор». И начались наши странствия и мое служение Господину. Хотя какое там служение? Я тогда был слишком мал и выполнял мелкие поручения, посильные для моего возраста. Потому просто сопровождал моего Господина, доставляя ему массу хлопот. Обычно, переезжая с места на место по долгу службы Святой инквизиции, он сажал меня впереди себя на коня. Приехав в какое-нибудь поселение, Господин подхватывал меня, уставшего до полусмерти, под мышки и отдавал первой встречной женщине со словами: «Привести в порядок, переодеть, накормить». Следом совал мне в руки клетку с вороном Пако и отправлялся по своим делам.

Я поначалу всегда боялся, что, сунув меня кому-то, Господин потом не заберет, потеряет меня. Удивительно, но мой Господин безошибочно находил меня везде: и в маленькой деревушке, и в большом городе. Не выдержав, я как-то спросил, как он меня находит? Господин показал странную штуку, притороченную к седлу нашей лошади:

– Видишь, Санчо, это компас. Подрастешь, будешь мне помогать делать такие приборы. Компас этот необычный, его стрелки указывают не на юг и север, а на человека, который обладает определенным потенциалом энергетики. Ведьмы, колдуны, продавшие душу дьяволу еретики – поле у них имеет большую плотность. А вот у служителей Бога – большую рассеянность. Проще говоря, кто на стороне Бога, тот имеет большое поле, но рассеянное в пространстве. У чернокнижников плотность поля большая, но размеры малые. Компас мне здорово помогает. Проезжаем по деревне, он показывает на человека, иногда на дом, где живет ведьма. Мы ее хватаем – и на суд инквизиции. А вот дальше самое интересное. Такой компас – штука уникальная. Я могу настроить его на любого человека, тогда стрелка покажет в ту сторону, где он

находится. Кстати, и для охотника эта штука незаменимая, можно настроить на любую дичь: оленя, утку, кабана, лису. Помнишь, как мы ловили зайца для ужина? Вот так я и тебя ловлю, как того зайца, понял?

Я мало что понял из объяснений, кроме одного: мой Господин никогда меня не бросит. И вот тому подтверждение.

Лет пяти-шести от роду я подхватил лихорадку. Хозяева дома, где мы остановились, были в ужасе, думая, что у меня чума, и просили Господина сдать меня в госпиталь при аббатстве. Дней пять я метался в жару, бредил и только пил отвары, которые готовил Господин. Он не отходил от меня ни на шаг. Иногда в полудреме я видел, как он толчет в ступке какие-то снадобья, заливает их кипятком, смешивает, а потом осторожно вливает мне в рот. Гадость страшная – эти его отвары, скажу честно! Однажды ночью, почувствовав на лбу холодный компресс, я услышал, как мой Господин тихо шепчет: «Боже милостивый, услышь мою молитву. Санчито, сынок, открой глаза...». С трудом разлепив запекшиеся от жара губы, я ответил: «Я слышу тебя, отец...». Господин перекрестился: «Слава Всевышнему! Спи, сын мой, теперь я спокоен». С того времени я пошел на поправку...

Забегая вперед, дам вам, сеньоры, несколько, так сказать, зарисовок с натуры. Чем дольше я служил моему Господину, тем больше узнавал его. И каждый раз он удивлял и восхищал меня своей мгновенной и абсолютно непредсказуемой реакцией на события. Не из простого рода был мой Господин, ей-богу! С аристократами и с простолюдинами он вел себя, как равный, чего не скажешь о тех, с кем он встречался. Его боялись и избегали, стараясь держаться как можно дальше. Оно и понятно, каких только ужасов не рассказывают сплетники об инквизиторах и охотниках на ведьм, часто совсем без оснований.

Не было ничего, чего бы он не знал или не умел. Он даже с нашим вороном Пако умел говорить так, что птица его понимала. При необходимости Господин использовал Пако, как почтальона, и птица всегда возвращалась с ответом.

Был еще один забавный случай. Мы остановились на ночлег в занесенном снегом урочище. Пока я обустроивал место ночевки, распрягал лошадей, разводил костер и таскал охапки еловых веток для ложа, Господин стоял на холме, лицом к заходящему солнцу. В такие минуты беспокоить его было нельзя. Я набрал снега в котелок и подвесил его над костром. Когда вода закипела, Господин вернулся к костру, протянул озябшие руки к огню и спросил:

– Ну, что, Санчес Роберто Нортон Рохас, чем сегодня угощать будешь?

Я пожал плечами:

– Кипятком, Господин... Больше ничего нет. Я не рассчитывал, что мы так задержимся.

– Да уж, с этой рыжей бестией в Вайсдорфе пришлось повозиться, зато господа инквизиторы без доказательств увидели ее богомерзкое нутро: «Ворожеи не оставляй в живых». И ведь не раскаялась, чертовка, – проворчал Господин. – Значит, кипяток? Тогда будем считать, что у нас пост.

Порывшись в карманах плаща, он достал пару сухарей и один из них протянул мне.

О, как меня восхищали карманы плаща моего Господина! То он извлекал из кармана горсть монет, то мешочек с какой-нибудь ароматной травой или кореньями, то клочок бумаги и бутылочку чернил, то фляжку с целебным настоем, то стилет или нож в чехле. Я уже не говорю о Библии, серебряном распятии, флаконе святой воды и розарий – четках особой красоты. Казалось, что карманы плаща бездонны и всегда в них есть то, что нам необходимо в эту минуту. Извините, я отвлекся. О моем Господине и его достоинствах я могу говорить часами.

Итак, он протянул мне сухарь. Отломав кусок, я позвал Пако, сидевшего на сосне. Наклонив голову набок, ворон удивленно разглядывал скудный ужин, а затем шмыгнул в свою клетку, порывшись клювом в какой-то щели и подлетел к Господину. Каркнув, он бросил ему под ноги золотой солид.

– Ты погляди, какой хитрец! Эй, тварь божья, а ну скажи, что мы можем купить в этой глухомани? Где ж ты его нашел, Пако? Воровать – грех, – Господин рассмеялся так громко, что с ветвей ближайшей сосны сорвался снег и упал на землю.

Ворон обиделся, взмахнул крыльями и улетел в темное небо. Господин проводил его взглядом и кинул мне солид: «Лови! Ты хозяин птицы, тебе и владеть золотым».

Когда мы уже почти спали, согревшись кипятком, раздалось шумное хлопанье крыльев.

– Санчо, кто-то спугнул птицу, – негромко произнес Господин, всматриваясь в темное, усеянное звездами, небо. – Да это же Пако! Только как-то странно он летит, будто кувыркается в воздухе.

К нашим ногам с высоты шлепнулась примороженная рыбина, а Пако с веселым «крух, крух» опять уселся на сосну. Как ворон понял, что мы голодны, одному Создателю ведомо, но поужинали мы знатно. Только вот спать пришлось совсем мало...

...Когда мне было лет девять-десять, мы посетили небольшой северный городок. Господин оставил меня на Ратушной площади стеречь наши пожитки, а сам пошел в базилику. Оставшись один, я первым делом выпустил полетать Пако и стал глазеть по сторонам. И тут меня окружила ватага местных мальчишек, настроенных явно недружелюбно.

– Эй, ты чего тут стоишь? Откуда ты здесь взялся? Здесь наше место, убирайся вон!

Я молчал, размышляя, что ответить. Не успел я опомниться, как вся ватага кинулась на меня и сбила с ног. Драка была жесткой, клянусь святым Мартином! Получив очередную оплеуху, я увидел мальчишку, который схватил наш дорожный мешок. Я рассердился: как он посмел притронуться к вещам моего Господина?! В голове как будто что-то щелкнуло, и вспомнились слова, сказанные Господином совсем по другому поводу: «Используй то, что находится рядом с тобой!». Уклоняясь от ударов, я дотянулся до метлы, стоявшей у стены дома, и начал бестолково размахивать ею во все стороны, стараясь достать противников. Получив удар по голове, воришка охнул и, выпустив из рук мешок, осел на землю. Хватая мешок, краем глаза я заметил, что Пако спикировал сверху и долбанул своим железным клювом в макушку зачинщика драки. Еще несколько мгновений я махал метлой, но вдруг понял, что мальчишек уже нет. Обессиленный, я прислонился к стене дома. И только тут заметил моего Господина. Он стоял неподалеку, скрестив на груди руки, и наблюдал за мной. На его плече удобно устроился Пако. Честно признаюсь, я перепугался. Больше всего в то время я боялся вызвать недовольство Господина. В таких случаях он в недоумении качал головой и восклицал: «Ну, ты, Санчо, красавчик!». Это слово он произносил как-то странно, с рычанием, вот так: «Кррррасавчег!». Раскатистое «рррр» и его горестная интонация казались мне почти сказочным заклятием, способным превратить меня, например, в червя или жабу. Ну, подумал я, сейчас мне влетит за драку так, что «Санчо-кррррасавчег» покажется манной небесной!

Мой Господин с непроницаемым выражением лица повел плечом, Пако взлетел в небо. Подойдя ко мне, Господин взял меня за руку, подвел к фонтану, смыл с лица кровь и грязь. Отряхнув пыль с моей одежды, он тихо сказал: «Санчо, ты – слуга инквизитора! Ты должен уметь защищать своего хозяина. С завтрашнего дня начнем».

И начали мы обучение, как сказал Господин, «с самого простого»: я должен был научиться чувствовать его на расстоянии, ощущать дух инквизитора на вкус, запах, слух, если угодно, цвет. Да уж, до сих пор мурашки бегут по коже при воспоминании об этом «простом» задании. Вам любопытно, как проходили занятия? Я бы на вашем месте тоже спросил об этом, ибо мало кто представляет, каков инквизитор высшего ранга в роли ментора. Постараюсь быть предельно честным.

Утром мой Господин приказал «чувствовать его» на протяжении дня, где бы он ни был. При этом я не освобождался от своих обычных обязанностей: притащить дрова и свежую воду, разжечь огонь в очаге, накормить и почистить лошадей, привести в порядок одежду, доставить заказанные у ремесленников и торговцев вещи, сопровождать Господина в ратушу, храм и дру-

гие присутственные места. А еще принести еду из ближайшей корчмы, но тут все зависело от воли Господина. Он мог не вкушать пищи по несколько дней, а только пил свои травяные зелья. Тогда и мне приходилось сидеть голодным. Извините, я отвлекся.

– Ты всегда должен чувствовать мое присутствие, – отчеканил мой Господин, развернулся и ушел.

Несколько минут я стоял, раскрыв рот от удивления и соображая, что это значит? Решил, что он должен предупредить меня, когда начнется игра (именно так я все воспринял), и отправился по воду. Притащил бадейку воды, поставил у входа на постоянный двор и с усилием потянул на себя тяжелую дубовую дверь, окованную железными полосами. Бац! Кто-то стукнул меня палкой по плечу. Отшатнувшись от неожиданности, я зацепил бадейку и очутился в луже на земле.

В дверях стоял мой Господин с палкой в руках. Mater Dei! Господин впервые ударил меня (легкие подзатыльники и Санчо-кrrрасавчег – не в счет)! За что?! Об обиды у меня едва слезы не брызнули из глаз.

– Ты не почувствовал меня, Санчес Роберто.

Господин исчез, а я поплелся переодеваться. Когда я опять принес воду, то предусмотрительно отставил бадейку подальше, а дверь открывал, осторожно выглядывая из-за нее. Мои опасения не подтвердились. Я перелил воду в большой чан для мытья, стоявший у очага. Знаете, мой Господин, в отличие от других знатных сеньоров, каждое утро обливался холодной водой. Он просто обожал воду, утверждая, что «главная потребность для жизни – вода и хлеб», что это Дар Божий, и недаром в Библии слово «вода» упоминается около 100 раз. Странствуя, он не пропустил ни одного водоема, чтобы не омыться в нем, и плавал, как рыба.

Проголодавшись, я присел к столу, взяв кусок хлеба с сыром. Бац! Я подпрыгнул от неожиданности, получив палкой по спине.

– Санчес Роберто, ты вторично не почувствовал меня. К тому же не услышал моих шагов!

И Господин опять исчез. Я даже не понял, в какую сторону он направил свои стопы: в комнаты или к лестнице. В тот день я еще пару раз получил палкой по спине.

Ночью, растянувшись на тюфяке у двери Господина, я все думал, думал, думал и не понимал, каким это макаром я должен «чувствовать на расстоянии»? Перебирая в памяти события, все больше обижался.

Дверь бесшумно распахнулась: на пороге стоял Господин. Я подскочил и сжался в уголке в комок, ожидая очередного «бац!». Но Господин был без палки, в тонкой льняной рубашке, открывавшей его мощную шею и грудь, и брэ – коротких штанах до колен. Он уселся на мой тюфяк, как-то странно скрестив ноги, и хлопнул рукой рядом с собой. Я примостился на указанном месте.

– Обида – яд, пожирающий твое сердце и душу, – тихо произнес мой Господин, глядя через открытое окно куда-то вдаль. – Обиженную душу легко смущает дьявол, заманивая в такие дебри греха, откуда и Великий инквизитор, и даже Папа Римский не вытащат...

Он помолчал и вдруг начал говорить, как бы размышляя вслух, словно беседуя сам с собой:

– Я давно живу на белом свете. Еще до моего рождения родители дали обет: первенца отдадут в храм. Уж не знаю, какие грехи рода они замаливали, но в нашем родовом замке самым почитаемым местом была небольшая, но богатая церковь... Я был рожден инквизитором, воспитан инквизиторами и уйду из этой жизни только для того, чтобы встать одесную рядом с Господом и Слугами Божьими и быть инквизитором.

В окошке виднелась огромная желто-оранжевая луна, заливая комнату жутким светом. Мне стало ну очень не по себе. Кажется, меня даже охватил озноб, и я охватил плечи руками, чтобы унять дрожь. А Господин продолжал говорить:

– У меня было несколько слуг – все настоящие мужчины и воины. Но только одного из них я отпустил со службы сам: очаровала его одна смуглая монашка, а Папа благословил их союз... Остальные уходили до срока: кого сгубили ведьмы и колдуны, кого в расцвете лет без особой причины забрала смерть. Еще один, увидев процесс инициации неопитов старинного Ордена, ушел в себя, да так и не смог этого преодолеть, – Господин хмыкнул, скорбно покачивая головой, видно, воспоминания бередили душу. – Не успев обучить одного, мне приходилось искать другого. Я терялся в догадках, не мог понять, в чем причина, пока в одном старинном фолианте не прочел: «Inquisitor должен сам выбрать себе ученика, слугу или любого, кто был необходим ему для служения Господу. Для этого Inquisitor должен последовательно...». Далее листок был обглодан грызунами. Я был в отчаянии! Я сам выбирал себе слуг, очевидно, нарушая какой-то установленный порядок, но какой именно? Об этом знали только наглые крысы. Я неистово молился и просил Всевышнего открыть мне Знание. И милостивый Господь снизошел до меня, грешного, открыв мне глаза.

Гулко хлопнули ставни. По комнате пронесся резкий порыв ветра, задув свечу. Молния на миг осветила лицо моего Господина. И тут же раздался оглушительный раскат грома. Вскочив с тюфяка, я метнулся к окну и закрыл ставни на крючок. В комнате стало еще темнее.

Обернувшись, я увидел, что Господин стоит во весь рост у двери, седые длинные волосы разметались по плечам. От моей обиды не осталось и следа. Я даже развеселился: нечасто увидишь инквизитора в нижнем белье, открывавшем его мускулистое тело! Но рвущийся наружу смех замер у меня в горле, когда я увидел глаза Господина. Казалось, что они вобрали в себя сверкающие за окном молнии и стали светиться изнутри каким-то холодным, мертвенным зеленовато-голубым цветом, постепенно затухающим и переходящим в черный.

Ужас обуял меня и пригвоздил к месту, я не мог шевельнуться. А Господин с окаменевшим лицом пророкотал чужим, незнакомым мне басом:

– Санчес Роберто Нортон Рохас! Я многому научил тебя, но ты этого не заметил. Ты будешь не только чувствовать меня на расстоянии, но и знать, голоден или сыт твой хозяин, доволен или зол, спит или бодрствует, даже находясь за тридевять земель от меня! Я выбрал тебя, ибо тебе предначертано стать последним слугой инквизитора! А может и...

Через несколько мгновений глаза Господина обрели обычный серо-зеленый цвет и уже своим голосом он сказал:

– Вот еще, стоит, как болван! Здесь мы пробудем еще три дня, а потом отправимся в Озерный край. Ложись спать, Красавчик, завтра будет нелегкий денек.

Свернувшись калачиком на тонком тюфяке, я дрожал и не мог согреться. Пришлось достать из мешка мой овчинный тулуп, но дрожь не проходила. Слушая шум ливня, я начал глубоко дышать и, в конце концов, забылся беспокойным сном. А под утро вижу сон: мы с Господином бредем по дороге. Мешок оттягивает плечи, ноги гудят, но нужно идти. Вдруг в пыли я нахожу оловянный грош. Радуюсь! И слышу голос моего Господина:

– Санчо, это не просто грош – это знак, а каждый знак – твой незримый наставник. Ты должен научиться читать символы и знаки, которые посылают тебе Господь и твой ангел-хранитель. Они всегда готовы наставить тебя на путь истинный и подсказать решение в любой, самой запутанной ситуации. Господь всегда рядом с тобой! *Vocatus atque non vocatus Deus aderit* – зовешь ты или не зовешь Бога, он все равно придет, Санчо. Но не всегда Всевышний может явиться человеку и сказать, что ему следует знать. Поэтому говорит Он на своем особом языке. «Только тот, кто посвящает свою душу размышлению о законе Всевышнего, будет искать мудрости всех древних и упражняться в пророчествах...», – так сказано в Книге премудрости Иисуса, сына Сирахова. Ты должен научиться видеть, слышать Его слова.

Когда дитя растет, для него весь мир, созданный Творцом, что китайская грамота. Он все видит, но ничего не понимает. В Библии сказано: «Ты все расположил мерою, числом и весом. Ибо великая сила всегда присуща Тебе...». Понятия чисел, например, существуют не потому,

что человек должен сосчитать вещи. Просто сам счет становится возможным, когда мы обладаем для этого необходимыми понятиями. Святой Августин утверждал: понятия чисел, геометрических фигур, добра, любви, справедливости – внеопытны. Человек познает их непосредственно внутри своей души, интуитивно. А творцом, источником этих понятий и идей может быть лишь Бог.

Знаком может быть все, что угодно: необычные деревья или облака в небе, красивая местность, вдохновившая тебя, пролетевшая над тобой птица, неожиданно услышанное слово или песня, случайная находка, какое-то происшествие. Высшие силы и во сне могут послать тебе знак: твоя задача – запомнить увиденное и поразмышлять над ним.

Если ты споткнулся на дороге, значит, ты был неосторожен и невнимателен. Но если на этом же пути ты споткнулся еще раз, думай: что хотел сказать тебе Бог? Возможно, ты выбрал не ту дорогу, по которой тебе предназначено идти. А может, ты не с теми мыслями шел по этой дороге? Тогда спроси себя: что изменилось в тебе, в твоём характере? Какие мысли тебя одолевали? Испытывал ли ты чувства, которых раньше в тебе не было?..

Необычный человек, странник, идущий тебе навстречу, может стать проводником, который даст тебе подсказку. Запомни его, запиши, что тебя поразило, что он сказал или сделал – потом это обязательно пригодится. Правда, такие встречи случаются очень редко: не каждому Господь посылает такой подарок!

Знаки приходят через ощущения, изнутри, но часто мы их не видим, не слышим, не воспринимаем, как знаки. Учись видеть вокруг все необычное, то, что предназначено только тебе одному. Увидел необычное, задай себе вопрос: зачем Господь дал это увидеть? И жди внутреннего ответа души. Сопоставляя свои наблюдения с событиями, которые уже произошли или грядут, ты сможешь многое познать. Если знак вызвал у тебя ощущение радости, вдохновения, это, скорее всего, добрый знак. Если заставил задуматься, огорчил или насторожил... Только твои личные толкования знаков будут самыми точными, их подскажет твоя душа.

Расскажу тебе один случай. В таверне я увидел богатого купца, который был в отчаянии. Я спросил, чем он расстроен? Оказалось, что у него с утра не задался день. Все валилось из рук, некоторые тюки с товаром намокли под дождем. Он поскользнулся и упал в грязь, запачкав парадные одежды. Его лошадь потеряла подкову, пришлось вести ее к кузнецу, а это новые непредвиденные расходы. В конце концов, он опоздал на корабль, отправлявшийся в Басру, и теперь не сможет выгодно продать товар. Этот толстый сеньор едва не плакал от горя, повторяя, что Господь и фортуна отвернулись от него. Я внимательно выслушал купца и рассмеялся. Он побелел от гнева:

– Сеньор, вы смеетесь над моей бедой?!

– Я радуюсь, что ты, купец, остался жив, – спокойно ответил я. – Господь не оставил тебя, неразумный. Он с самого утра говорил тебе: оставь свою затею, ничего путного из путешествия не выйдет. Господь останавливал тебя пять раз, купец! И ты внял Его совету, хотя и не осознавал этого. Ты бы никогда не вернулся домой, купец. Да, ты потерял много денег, но остался жив, здоров и сможешь вернуть с лихвой свои потери...

– Господин, а почему купец не вернулся бы? – не утерпел я.

– Потому что тот корабль, следовавший в Басру, попал в жестокий шторм, напоролся на рифы и затонул. Никто не выжил.

Кстати, знаки чувствуют даже животные. Например, твой Пако тоже слышит эхо знаков: нахотелся, быть дождю. Не говорю уж о вороньем грае – предвестнике неприятностей и болезней. Недаром простолюдины, укоряя предсказавшего беду, говорят: ну, накаркал!

Еще один важный момент, запомни, Красавчик! Каждый знак – это ситуация, посланная Богом, чтобы человек получил определенный опыт. Если первый раз пропустить знак, то он не принесет серьезных проблем, как говорится, человек обойдется малой кровью. Если же не прислушаешься к знаку вторично, то ситуация повторится и принесет уже большие непри-

ятности. Обиженный ангел дважды не прилетает! Принимай любые знаки с радостью и благодарностью Господу. И тогда ощутишь свое единство со всем и вся, прочувствуешь изумительную гармонию Божьего мира.

Вот ты нашел грош. Из чего он сделан? Правильно, из олова. Что есть олово? Красивый белый металл. Смотри дальше!

И Господин, подобрав сухой прутик, начинает рисовать в придорожной пыли пентаграммы и круги. Соединяя их дугами, поясняет: это – Земля, это – Вода, это – Воздух, это – Огонь. А вот тут – Металл, Дерево. Главными во вселенной есть стихии и первоэлементы. Работа со знаками и символами – контакт человека с Богом. Началом всех начал, первопричиной всего сущего во вселенной есть Господь. И души приходят на землю и снова возвращаются к своему Творцу, завершив жизненный круг.

Господин называет мудреные имена древних мудрецов и лекарей, которые оставили эти знания в манускриптах и трактатах.

– Помнишь, мы видели, как куют монету? Олово лежало в глубине земли, его добыли рудокопы. Потом металл попадает к ремесленникам – медникам или граверам. Олово плавил в огне, нагнетая воздух, отливали в форму и остужали в воде. Видишь, тут были задействованы все стихии: земля, огонь, воздух и вода. Если какой-то стихии не хватало, то монета быстро ломалась, не ходила долго по свету. А твоя монетка сделана правильно. Вот тебе и знак: оловянный грош не пропадет! Будешь служить мне долго-долго, ибо все стихии в тебе заложены правильно, – Господин улыбается и советует, – ты этот грош сбереги, заверни в тряпицу и спрячь в поясной кошель – омоньер. Никогда никому не отдавай сей грош: это твой талисман удачи. Вот так трактуется твоя находка.

...Забегая вперед, замечу: если бы Господин не был таким требовательным наставником, я бы в жизни не запомнил его мудреные слова...

Просыпаясь, я лежу с закрытыми глазами, пытаюсь удержать сон в памяти. Может, с помощью этих знаков я и научусь чувствовать Господина на расстоянии? Да что там думать! Если он сказал – научусь, так тому и быть.

Спускаюсь на первый этаж в кухню, развожу огонь в очаге, а голова забита этими рисунками, стихиями, символами и знаками. Замираю за столом, обхватив ладонями кружку с горячим настоем. Бац! – карамба, научился...

...Я стал более внимательным, ловил каждое слово Господина. Писать я тогда не умел, потому малевал, где попало, угольком картинки, каракули, понятные только мне. Увидев однажды, что я малюю, Господин вопросительно вскинул бровь. Пришлось все рассказать. Господин издал какой-то странный звук или вопль и исчез. А вскоре к моим бесконечным делам добавилось еще одно – обучение грамоте. А «бац» продолжалось еще долго...

Через три дня мы отправились в Озерный край – глухомань на краю света, дальше которого лишь Студеное море. Не знаю, почему мне там все казалось знакомым, ведь раньше я тут никогда не бывал. Иногда даже возникало чувство, что где-то рядом мой дом. Вот только пробежишь по тропинке, в лодке переберешься через озеро на другой берег, обойдешь топь с кочками, усеянными лиловым вереском и коралловыми ягодами брусники, и увидишь на холме родную деревню.

Места тут примечательны спокойной, неброской красотой. Идешь по лесу, вдыхая аромат хвои – голова кругом! А какие огромные ели и сосны! Бывало, задеру голову, чтобы увидеть верхушку, – шапка с головы падает. Сяду у дерева, гляжу вверх и кажется, что плывущие по небу тучки зацепились мохнатыми лапками за колючие ветки крон и не могут двинуться дальше, зависли над головой. Наверное, если бы я забрался на самую высокую сосну, то смог бы увидеть самого Бога, рай и сонм ангелов.

Когда я сказал о своих ощущениях Господину, он хмыкнул, пробурчал: «Норна Урд», – и добавил непонятные слова:

*«О, чадо четырех стихий, внемли ты вести,
Из мира тайного, не знающего лести!
Ты – зверь и человек, злой дух и ангел – ты,
Все, чем ты кажешься, в тебе таится вместе...»*

– Что-что? – переспросил я, не поняв его слов.

– Это стихи, глупыш. Написал их один замечательный восточный мудрец, имя которому Омар, – тихо ответил Господин.

После «глупыша» я больше не осмелился ничего спрашивать, а слова «норна Урд» и «Омар» запомнил. На всякий случай...

Да уж, чудны творения твои, Господи! Поразил меня Озерный край своим размахом и величием. Вообще-то, странствовали мы столь часто, что я перестал обращать внимание на красоты разных стран. Все везде было похоже. Поселения крестьян или слободки ремесленников, в основном, с жалкими лачугами и мастерскими, над которыми витали копоть и дым. Небольшие поля, сады, огороды в окрестностях деревушек. Города, окруженные толстыми крепостными стенами, башни с узкими бойницами, рвы с темной водой. Величественные храмы, замысловатые замки, высокие, в несколько этажей каменные дома. Узкие, мощеные отполированным булыжником, улочки, по обочинам которых текли ручьи помоев. По городским улицам и ходить-то нужно было осторожно и желательно в широкополой шляпе, сами понимаете, почему. На окраинах городов – кучи мусора и всякого хлама с копошившимися там крысами и мышами.

Приехав к ночи в один город, утром я уже неплохо ориентировался в нем. Обычно от просторной главной площади с ратушей, собором и другими присутственными зданиями в стороны, как спицы в колесе, веером убегали улицы с незатейливыми названиями. Если на улице жили кузнецы, то она называлась Кузнечной, если ювелиры – то Ювелирной. На Рыбной жили рыбаки, на Бондарной – бондари, на Торговой – торговцы, на Каретной – каретники. На Сенной можно было купить лошадей, коров, коз, овец и корм для них. Если в городе была Набережная, то там совершала променад городская знать. Да и улицы, на которых они жили, назывались изысканно: Рыцарская, Французская, бульвар Роз. У богатых свои причуды, сеньоры!

Да-да, вы правы, я не люблю городов. И причиной тому был приказ моего Господина: выглядеть прилично. Это и приводило меня в полное уныние. Я не любил шосс с разноцветными штанинами: одна красного, вторая черного (иногда белого) цвета, терпеть не мог пурпуранов – коротких курточек с узкими рукавами, иногда свисающими до пола, фетровых шляп в виде колпака, подбитого мехом. Но больше всего меня убивали модные пулены – туфли с острыми, загнутыми вверх длинными носками, набитыми войлоком, которые вообще не давали ходить! Носы пулен приходилось либо привязывать к ногам бечевкой, либо застегивать на цепочку. Один раз я выполнил приказ Господина, одевшись «прилично». Побегав по городу, я кульком свалился в ножки Господину и умолял его не заставлять меня одеваться в эти дурацкие одежды. В них я чувствовал себя королевским шутом, вот только бубенчиков не хватало! Господин внимательно выслушал меня, сел в кресло и стал рассматривать со всех сторон, стараясь сохранить серьезное выражение лица (в этот раз ему это плохо удавалось). Налюбовавшись вдоволь, вынес свой вердикт: «Да уж, бубенчики, сын мой, ты еще не заслужил. Отныне и вовеки слуга инквизитора одевается удобно и практично. А башмаки – это рога дьявола, прости меня, Господи!». С тех пор я всегда был одет так: нижняя рубашка – камиза, удобные штаны на бечевке, нижнее платье – котт, поверх нее верхнее платье – сюрко и табар – красно-черный с белой отделкой короткий плащ в цвета герба моего Господина. И никаких пуленов – только мягкие сапожки с чуть заостренным носком! Завершал наряд берет или шапка, ну и пояс с бляхами и омоньером.

Сам-то Господин был тот еще щеголь! Одно его сюрко с капюшоном и ложными рукавами чего стоило! Не каждый портной мог угодить изысканному вкусу и требованиям хозяина. Мне даже пришлось научиться завивать ему волосы в случаях, когда ему надлежало предстать пред очами Его Величества или Его Святейшества...

Я опять отвлекся, пардон, мадам и месье, милостивые сеньоры. Будьте снисходительны к простофиле, слуге инквизитора и напомните, о чем мы беседовали ранее... Ах, да! Озерный край... Это важная страница в нашей жизни.

Прибыли мы в Озерный край. К повседневным делам добавилось знакомство с травами, цветочками, корешками, деревьями и прочими дарами красавицы Флоры. Обычно Господин, направляясь по делам, вдруг наклонялся, срывал какую-то былинку и совал мне под нос.

– Запомни, Санчо, на вид, цвет и запах. Это уникальное растение, коих больше нет нигде...

Далее следовал рассказ, почему эта скромная былинка вся такая чудесная, как ее называть, в какую пору года сорвать, как высушить. И, конечно, с какими стихиями связана эта трава и что ею обычно врачуют. Все это рассказывалось на ходу, как бы между прочим, чтобы скрасить долгую дорогу. Но через несколько дней следовал приказ: отыскать, сорвать, принести. И не дай, Боже, если бы я весной сорвал растение, которое надлежит собирать летом или осенью! Я не люблю огорчать своего Господина, ему и без меня хватает забот.

Искусством траволечения и прочими премудростями врачевания, изготовления зелий и даже ядов Господин владел в совершенстве, тут равных ему не было. Не раз я был свидетелем его бесед со знахарями, аптекарями или монахами-лекарями. Помню, как вернувшись из зачумленного города, он рассказывал монаху-антонианцу из Госпитального братства, как мы избежали хвори. Брат лишь восхищенно качал головой, ахал и в конце возопил: «Да от тебя, инквизитор, сама госпожа Чума бежит, как от чумы!».

Вы не забыли про «бац»? Я – нет. Выполнял ли я обычные дела, отправлялся ли в леса или поля за очередной чудесной былинкой, я постоянно был начеку, шарахаясь от каждого звука в сторону. Из-за любого дерева мог выскочить Господин и – бац! Да-а, по-моему, «бац» продолжалось бесконечно долго. Получив днем пару-тройку раз по хребту палкой, я отчаивался. А ночью, лежа на тюфяке или сене, вспоминал слова Господина: «Ты должен стать последним слугой инквизитора!». Это немного вдохновляло и давало надежду, что я смогу, я должен почувствовать инквизитора.

В Озерном крае мой Господин вел себя довольно необычно. Встречался с разными людьми, подолгу беседовал с ними, выясняя какие-то подробности, а затем все записывал – занимался писаниной, как он однажды выразился. Очевидно, у него была какая-та тайная миссия, знать о которой следовало только посвященным.

Как-то мы несколько дней добирались до отдаленного селища, состоявшего из нескольких добротных, рубленых из темных бревен, домов. Один такой дом мы и заняли. Мой Господин часто был занят своей писаниной, а у меня было больше свободного времени для раздумий и практики в видении и трактовке знаков.

Теплым летним днем я гулял по околицам селища, присматривался к жителям, которые одевались не по-нашему: мужики носили усы и бороды, а женщины заматывали головы платками до бровей. И внезапно внутри появилось какое-то тревожное чувство ожидания, будто вот-вот что-то должно было произойти. Объяснить я этого не смог, а Господина тревожить по пустякам было неловко. Решил, что мне нужно внимательно присмотреться, прислушаться к себе, понять, почему возникло предвестие.

Остановившись у колодца, я вытащил бадейку, зачерпнул воду кружкой, привязанной к срубу, и медленно, смакуя, стал пить мелкими глотками. В то же время, я, как бы занятый важным делом, внимательно всматривался в каждую деталь пейзажа, где могла бы таиться

угроза. Искал глазами хоть какой-то знак, который мог подсказать, что меня ждет. Тишина! Господь не хотел мне помочь.

По тропинке к колодцу шла пожилая женщина. Вспомнив слова Господина не приставать к жителям, я хотел было удрать незамеченным, но было уже поздно: она подошла совсем близко. Длинное платье до пола было по горловине и рукавам украшено орнаментом, сверху безрукавка, мехом внутрь, на голове повязан светлый платок. Язык не повернулся бы назвать ее старушкой, столько в ней было достоинства, спокойной уверенности в себе, величавости.

Я, сдернув с головы шапку, обнажил свои отросшие темные кудри и низко поклонился ей. Цепким взглядом окинув меня с ног до головы, она тоже слегка наклонила голову, наверное, приветствуя меня. Я мигом вытащил свежей воды из колодца, перелил в ее бадейку и смущенно спросил:

– Не разрешите ли мне вам помочь? Вам куда?..

Она пошла по тропинке вперед, а я с бадейкой следовал за ней. Поставив бадейку на скамью у крыльца дома, обернулся к женщине.

– Спасибо, сынок, – поблагодарила она и, улыбаясь, ласково погладила меня по голове.

Я оторопел, на секунду замерев под ее рукой, как зайчонок перед волком. Меня никто не гладил по голове. Господин, как всякий мужчина, был скуп на ласковые слова, не говоря уже о большем. Поклонившись женщине, смущенный, я убежал со двора и отправился в лес. Сколько времени я провел там, не знаю. Когда солнце скрылось за деревьями, я понял, что проголодался. Мало того, я понял, что голоден и мой Господин: он хочет мяса! Да где ж я тут возьму мяса?! Трактиров, корчмы или лавки тут нет, здесь живут только свои, а им нет нужды покупать еду. И тут я вспомнил ту женщину, приласкавшую меня: вдруг она выручит?

Я помчался в селище, подошел к ее дому и легонько постучал в дверь:

– Сеньора, мадам, миледи... – я запнулся, не зная, как правильно обратиться к ней. – Простите, нет ли у вас немножко еды для моего Господина?

Увидев меня на пороге, женщина то ли испугалась, то ли смутилась, я не понял, да и некогда мне было задумываться об этом. Мне срочно нужно было раздобыть мяса для Господина!

– Да он, поди, такого и есть не будет, – ответила женщина в замешательстве, не поднимая на меня глаз. – У меня только пареная репа с мясом...

– Сеньора, он неприхотлив в еде, – я постарался убедить ее, видя, что она колеблется, и торопливо добавил, – я заплачу за еду, вы не думайте!

Я полез в омоньер на поясе, вытащил целую горсть монет:

– У нас есть деньги! Я заплачу...

В общем, к горшку пареной репы с мясом, женщина дала мне еще каравай душистого ржаного хлеба и целый кувшин молока, да еще завернула все в кусок холста, чтобы мне было удобнее нести.

От души поблагодарив хозяйку, я вышел во двор и почему-то переложил тяжелый узелок в левую руку. Закрывая за собой ворота ограды, я резко обернулся и поднял правую руку вверх над головой – бац! Удар пришелся по локтю, и боль прошибла меня до самых пяток.

– Это нечестно, нечестно! – завопил я, увидев моего Господина. – Я бы обязательно отбил удар, если бы не молоко!

– Мясо с чем? – поинтересовался Господин. – С репой? Пойдет. И чего тут нечестного? Я репу-то не очень...

– Да причем тут репа?! – продолжал я вопить. – Я почувствовал, слышишь, почувствовал! Я понял, как это происходит – само по себе!

Мой Господин быстро отвернулся, чтобы я не заметил его довольную улыбку, и пробормотал свое любимое:

– Ну, поглядим, поглядим... Мы задержимся в Озерном крае еще на день.

На следующий день он гонял меня по селищу, по полям, лесу, даже по болотам, выскывая, как черт из сундука, из самых неожиданных мест... Испытание я выдержал!

В селище мы вернулись поздним вечером, уставшие до одури, но довольные. У нашего дома Господина ожидал местный парнишка. Поклонившись, он что-то сказал Господину.

– Благодарю вас, с огромным удовольствием! – ответил ему Господин и, повернувшись ко мне, приказал, – Санчо, возьми по паре чистого белья. Мы идем в баню!

Баня тут, в лесной глуши? Откуда? Здесь что, и бассейн будет, и девы, которые будут умащивать наши тела жиром и ароматными маслами?! Это уж совсем интересно!

Я метнулся в наш домик, зажег свечу и принялся искать нижние одежды для нас с Господином.

Я уже говорил вам, сеньоры, что Господин был щеголем. Мы всегда возили с собой белье на смену, а верхнюю одежду либо отдавали прачкам, либо я сам полоскал ее в реке или пруду (терпеть не могу эту стирку!). А вот выходные и парадные одежды мы всегда оставляли там, где останавливались на какое-то время. Мне казалось это расточительством, но когда я попробовал заикнуться об этом, Господин воскликнул: «Ну, ты крррасавчег!». И прочел строку из Евангелия от Матфея: «Не накапливайте для себя сокровища на земле, где моль и тля поедают...». Эти слова я понял сразу. И запомнил.

Вы спрашиваете, откуда мы брали каждый раз новые одежды? Ну, тут все просто! Господин всегда заранее знал, куда и кто его может пригласить в ближайшее время. Он даже приблизительно мог сказать, о чем они будут говорить. Откуда он знал это? Вижу, вы забыли, что я рассказывал о знаках. А коль вы забыли о них, то просто поверьте моим словам: он знал все заранее! Потому знал и как ему следует быть одетым. Да он Пако загонял своими письмами к портным, сапожникам, шляпникам! Причем, в письмах указывал свои мерки, фасон платья и даже рисовал кусочек орнамента, которым нужно было вышить заказанную вещицу. Пако он отправлял... чтобы не соврать... примерно за месяц до предполагаемого визита. Мне лишь оставалось, прибыв на место, получить готовый заказ. Отмечу, Господин всегда выглядел великолепно, неизменно вызывая испуганные, но все же восхищенные взгляды дам.

Не заставив долго себя ждать, я выскочил в ночь со свертком под мышкой. Парнишка провел нас по тропинке к крайней избушке, стоявшей почти на самом берегу небольшого озера. Открыв дверь, он знаком пригласил нас войти и, поклонившись, убежал.

Да уж... Никаким бассейном, не говоря уже о банных девах, здесь и не пахло! Я был разочарован, сеньоры, не скрою.

В маленьком тесном предбаннике в свете тусклого светильника мы разделись донага. Я в восхищении ткнул пальцем в бицепс Господина – каменный! С любопытством поинтересовался:

– У меня тоже такие будут?

– Ты еще щенок, Санчо-красавчик, маленький такой щенок! – расхохотался Господин. – Но скоро заматереешь и превратишься в свирепого молодого волчару!

Пожалуй, впервые «Санчо-красавчик» прозвучало ласково, по-отцовски.

Мы вошли в следующую комнатенку с низким потолком. В углу на гряде раскаленных камней стоял огромный котел с кипятком. Напротив – большая бочка с холодной водой (я, конечно, сунул туда палец). Рядом, на низком табурете, примостился глиняный горшок с широким горлышком, прикрытым деревянной крышкой, а впереди стояла широкая, отскобленная добела скамья с пучком каких-то веток.

– Ну, Санчес, смотри и запоминай, как совершают омовение в таких банях. Это каменка, – Господин указал на раскаленные камни. – С холодной водой ты, вижу, уже разобрался, а в горшке – травяное зелье для мытья. Крикну: «Поддай!», – хватай ковшик и плещи кипятком на каменку. Повалит пар – берегись. А это – веник, им охаживают того, кто парится.

С непривычки от жара у меня пересохло в горле и закружилась голова. Господин это сразу заметил:

– Э, так не пойдет! – он плеснул мне в лицо холодной водой. – Тогда так: сначала я мою тебя, а уж потом сам.

Натерев зеленой гадостью из горшка, он окатил меня теплой водой и велел лечь животом на скамью. Плеснул воды на камни и принялся, сначала легонько, а потом все сильнее, хлестать меня прутьями. А что, мне это даже понравилось.

Отмыв меня, Господин начал натирать себе зельем грудь и руки. Я, уже приспособившись не дышать полной грудью, тоже зачерпнул из горшка зелья и начал натирать ему спину. При тусклом свете мне показалось, что под правой лопаткой Господина прилипла светлая паутинка. Я решил потереть это место сильнее, но лишь только я прикоснулся к паутине, меня как молнией прошибло. Я, охнув, шлепнулся на пол и очнулся, когда Господин обливал меня холодной водой, шепча: «Ничего, ничего, малыш, это все пар...»

А потом уже я хлестал прутьями моего Господина. Он только покрикивал, поворачиваясь то одним, то другим боком. Причем, хлестал я его с огромным удовольствием: когда еще придется хорошенько наподдать инквизитору высшего ранга, не опасаясь ответа!.. Вы улыбаетесь, почтеннейшие сеньоры? И правильно делаете, ценю ваше чувство юмора.

Отшлепанный мной Господин вдруг вскочил с лавки и выскочил в темноту ночи.

– Догоняй, Красавчик! – только и услышал я, кинувшись вслед за ним в озеро. Водичка была теплой, как парное молоко! Поплавав вдоволь, мы опять наперегонки помчались в баню...

Чистые, просветленные, распаренные мы сидели в своем домишке, попивая квас, и молчали. Наконец Господин произнес:

– Да-а, славным оказался сегодняшний денек. А главное, ты наконец-то...

Я замер в предвкушении похвалы, ведь я теперь чувствовал его на расстоянии. Но Господин не был бы моим Господином, если бы не повернул все совсем по-другому:

– Главное, ты наконец-то побывал в настоящей бане и научился по-мужски работать веником.

Я улыбнулся: вот таков мой Господин, что поделать? Пользуясь его хорошим настроением, я спросил:

– Господин, а можно задать вопрос?..

Он не дал мне закончить фразу:

– Ты хочешь спросить, откуда у меня шрам на спине? – он помолчал и крепко потер подбородок. – Скажу так: шрам от моей молодости, самонадеянности и тупости. Давненько это было. Тогда у меня не было ни моей защитной кольчужки, ни болтов, действие которых ты уже видел. А главное, не было опыта и достаточной силы...

Да, я знал, что часто под нижнюю рубашку Господин надевал кольчугу тончайшей работы, освященную Его Святейшеством. Видел я и болты для арбалета (об одном таком случае расскажу позже). Между тем Господин продолжал:

– Пришлось мне, зеленому клирику, сразиться с Черным магом. Все, чему меня до этого учили, оказалось, скажу так, весьма ненадежным. Это был сильнейший противник, настоящее исчадие ада! Он швырял меня по катакомбам, как ветер гонит осенний листок. Я зависал в воздухе вниз головой, держа в руках распятие, а через мгновение врезался в каменные своды подземелий... Тогда инквизиторы не учитывали, что развитие у магов, колдунов, демонов и прочей нечисти идет через упорство воли. Впрочем, тебе об этом знать рано. Черного мага уже нет, а я здесь, рядом с тобой... Заболтались мы с тобой, Санчо. Скоро и рассвет, а у нас еще дел полно. Мы задержимся в Озерном крае еще немного.

Итак, отъезд был отложен. Мне показалось, что Господин сделал это с удовольствием: местные мужчины пригласили его на охоту. Хорошо, что хоть предупредил об этом заранее,

у меня было время подготовить все, что могло понадобиться Господину. Правда, поспать мне удалось всего пару часов.

Как только небо на востоке стало розоветь, мы выехали из селища. Обычно молчаливые мужики разговорились с Господином, махали руками в разные стороны, решая, куда податься. Раньше, где бы мы ни находились, именно Господин решал, где будет охотиться вся орава, и добыча неизменно была богатой. Оно и немудрено: ведь у него был чудо-компас! А тут он молчал, соглашаясь со всеми предложениями. Казалось, он просто забавлялся: на запад, так на запад, на север – давайте туда. Я ничего не мог понять и только хлопал в удивлении глазами. Наконец, все спорные вопросы решены, роли охотников распределены. Мы подъезжали к опушке леса, когда Господин дал знак всем остановиться, а сам поскакал вперед. Я зевнул и слегка прикрыл глаза: у меня было немножко времени подремать, пока он проведет необходимый ритуал.

Подъехав к лесу, Господин спешился, подошел к крайним деревьям, похлопал их по стволам. Поклонившись лесу, он выпрямился, подняв вверх руки, развел их в стороны и замер. До нас донесся его голос. Мужики удивленно переглядывались, не понимая, что он там делает.

– Эй, малой, а что это делает твой Господин? – не вытерпел мужчина с рыжеватой бородкой.

Я чуть не сболтнул лишнего, но вовремя спохватился и как можно равнодушнее ответил:

– Молится, что ж еще? Он все время молится.

– Да нет, шалишь, это не молитва, – размышляли мужики, пока один из них не воскликнул, – да это же он с Лесом здоровается! Только как-то чудно, с вывертом, не по-нашему.

Повернувшись, Господин махнул нам рукой: давайте сюда! И началась великолепная охота.

Вечером мы остановились на уютной полянке, окруженной липами, елями да кустами. Мужики свежевали туши медведя и глухарей, от костров уже пахло жареным мясом.

Господин не принимал участия в общих хлопотах. Как всегда, он стоял в стороне, лицом к закату, полыхавшему багряно-оранжевыми красками, погруженный в свои думы о вечном.

Из мешков охотники достали хлеб, зелень и фляги с местным вином. На темном небе, усыпанном звездами, появилась луна, заливая лимонным светом нашу поляну. Услышать бы сейчас лютню да славную балладу! Искры от горящего пламени улетают в небо – красота, сплошная романтика, как сказал бы Господин. Но он смеется, рассказывая очередную свою байку:

– ...И тут заложил я в арбалет болт, отошел от костра, чтобы глаза привыкли к темноте. Болт-то один, а ведьм две...

В кустах раздался шорох. Мужики встрепнулись, оглянулись по сторонам, но уж больно интересно рассказывал Господин! Я, хоть и слышал эту байку пару раз, сам заслушался.

– Думаю, откуда тут две ведьмы, когда была одна? – продолжал Господин, не обращая внимания на шум, взмахнул рукой и, как бы невзначай, положил ее мне на плечо – сидеть, бояться. – Господа, слово инквизитора, ведьма была одна! Морок, что ли?

Шум в кустах усилился, раздалось тихое чавканье. Мужики опять всполошились, один даже потянулся за мечом:

– Видать, волчишка подобрался?..

Чавканье усилилось. Господин оглянулся на кусты, посмотрел на охотников, улыбнулся краешком губ и щелкнул пальцами: будь начеку! Он еще раз глянул в сторону кустов и тихо спросил:

– Что, Санчо, интересно, кто там шалит?

Я пожал плечами и посмотрел на местных. Вы не поверите, сеньоры! Они спали крепким сном – все до единого, даже тот, с мечом в руке, свесил голову на грудь и похрапывал. Господин

поднялся, бесшумно прошел к кустам, присел и, раздвинув ветви, произнес несколько слов, вслушался в чавканье и махнул мне: подойди.

Я послушно выполнил приказ, ведь я привык повиноваться с первого слова. Господин, придерживая ветви рукой в перчатке, сказал:

– Санчо, кажется, нас с тобой приглашают в гости.

В гости? Кто, куда приглашает, да еще спрятавшись ночью в кустах? Осторожно выглянув из-за плеча Господина, я остолбенел: в кустах сидел маленький старичок, не выше меня ростом, на голове у него была грибная шляпка, длинная седая борода скрывала грудь.

– Приветствую вас, о, многоуважаемый повелитель грибов, – что я говорю, откуда взялись эти слова, понятия не имею. Просто они сами собой вылетели из моего рта.

Старичок хихикнул, показал на меня пальчиком и спросил Господина:

– Это он, Санчо-красавчик? Он и, правда, учтив и воспитан... Инквизитор, тебя уже жаждали. Ты готов?

Господин уважительно поклонился. Старичок поднял пласт мха у дерева, где сидел, и первым нырнул в темный туннель. За ним спустился Господин, следом и ваш покорный слуга, Санчес Роберто, он же Санчо-красавчик. Шли мы долго, по крайней мере, мне показалось, что очень долго, пока не вышли на большое открытое пространство, залитое ярким необычным светом. Случайно взглянув на рукав своего плаща, я удивился: вместо коричневого он стал каким-то изумрудно-зеленым. Я посмотрел на Господина: та же история, только его сюрко казалось золотистым.

Теперь уже мы шли по городу. Санта Мария, я в жизни такого не видывал! Я вертел головой во все стороны так, что Господин даже укоризненно покачал головой и повел бровью. А как мне было не вертеться, ведь было, чему удивляться! Это был город грибов: дома – грибочки, такие симпатичные боровички с белыми толстыми ножками, с крышами – шляпками бурого, красноватого или коричневого цвета, с резными окошечками, некоторые в один, а другие в два, три этажа. Кругом чистота, на дорожках лишней еловой иглой не найдешь. Наверное, в больших домах-грибах, в несколько этажей, жили значимые персоны, правители?

Тут старичок показал Господину на один большой дом и сказал, что нам туда, уже ждут. Мы вошли в дверь, поднялись по витой, с резными перилами лесенке на самый верхний этаж в просторный зал. На кресле там восседал Главный гриб в красной шляпке, то ли король, то ли правитель, я сразу не понял, а только низко поклонился и притих. Мой Господин тепло приветствовал его величество, поклонившись столько раз, сколько положено по дворцовому этикету. Начали они беседу. А в зале весь дворец собрался! Грибочки-дамы в длинных платьях зеленого, желтого или белого цвета, пышные прически украшены цветами или обручами с драгоценными камушками, в ручках – веера из листьев всех цветов. Милашки, замечу. Грибы-кавалеры в красных плащах с гербами, с саблями на боку, а на головах шляпы с разными листочками: у кого дубовый, у кого клевер, у кого клен или тополь. Наверное, каждый листочек соответствовал рангу владельца, его и вышивали на плащах.

Вы спрашиваете, о чем говорили Господин с королем? Да Бог их знает! Я только исподтишка осматривался, стараясь запомнить каждую мелочь в тронном зале, а потому услышал только окончание их разговора:

– Не стал бы я тебя опять беспокоить, но в тот раз ты нас крепко выручил, инквизитор. Сможешь ли помочь нашей беде и в этот раз, отвадить от заповедных лесов людишек, что губят наши угодья? Лес рубят бездумно, из болот торф таскают немеряно, брусники, клюквы и черники не столь соберут, сколь подавят, попортят. Прямо житья не стало! Помогите, – просит его величество, – а я уж в долгу не останусь, награжу по-царски!

А Господин к нему со всем уважением, мол, конечно, помогу, о чем речь? Вы только, ваше величество, план нарисуйте, где нельзя людишкам озоровать. И спрашивает Господин, как у них жизнь идет, новостями интересуется. Его величество обстоятельно так все рассказал,

провел нас по тронному залу, портреты предков показал – достойные были мужи, ой, то есть грибы! А потом его величество нас передало своему министру. Пошли мы гулять по городу: министр с Господином впереди, а я следом, уши наострил, чудно все же! Подошли к одному домику, Господин и спрашивает:

– Ваша светлость, что-то знакомое место, кажется, я бывал тут?

Министр открывает дверцу в дом-грибок и отвечает:

– Здесь у нас мастерская и лавка при ней, – приглашает, – пожалуйста посмотреть!

Зашли в мастерскую... Вы не поверите, почтенные сеньоры, да я и не буду настаивать: мало ли, чего мог увидеть впечатлительный мальчишка. Вы хотите узнать, что же я увидел? Расскажу, только больше ни на один ваш вопрос о грибном городе отвечать не стану.

Итак, зашли в мастерскую, а там волшебные вещи по стенам висят, образцы, значит: кольчуги, мечи, какие-то склянки с наперсток, наполненные зельями. Министр пальчиком показывает на шляпку, ну, чистый мухомор! Красная шляпа с белыми наростами, что я мухоморов не видел? А министр и говорит, что это их гордость – шляпа-невидимка. Кто ее на голову надевает, того никто не увидит. Снимешь шляпу – вот он ты. И тут же мастера подбежали к моему Господину и давай мерки снимать. А министр объясняет, что сделают такую шапку ему, пока мы по городу гулять будем.

Зашли мы в таверну, а там уже и стол накрыт. И чего там только не было, вкуснятина, одним словом! Пока ели, пили, тут и мастера пришли с коробочкой. Подают ее с поклоном Господину. Он поблагодарил и сунул мне в руки, мол, не инквизиторское дело вещи таскать.

Попрощались мы с министром и мастерами, пошли со старичком-проводатым в обратный путь. Несу я коробку с шапкой, а любопытство так и разбирает, так и зудит. Достал я эту шляпку-мухомор и надел на голову. На полу туннеля лужица оказалась. Глянул в нее, а себя не вижу – чудеса! Бац!

– Ну ты, Санчо, кррррасавчег! Не балуй!

Наверное, мне показалось, что «бац» был так, для виду, а «кррррасавчег» прозвучало почти нежно. А старичок хихикает, веселится. Спрятал я шляпку в коробочку. Вернулись к тому дереву, проводатый старичок-гриб помахал нам рукой и прикрыл вход в свой туннель, как ни бывало. Чудны дела твои, Господи!

– Господин, – осмелился я спросить, – а вы знали...

– Догадывался, – ответил Господин, – и отвечу сразу на твой следующий вопрос: да, кольчужка моя оттуда, изготовлена искусными руками мастеров, коих ты имел счастье лицезреть. Большая просьба: никому даже под пытками о путешествии ни слова!

Какая там просьба? Приказ инквизитора – это больше, чем приказ. Уселись мы у костра. И только тут я почувствовал, как устал, потянулся и... зевнул.

– Позвольте полюбопытствовать, сколько еще мой верный слуга почивать изволит? – как ни в чем не бывало, поинтересовался Господин.

– Да я и не спал вовсе, мы же только пришли из грибного царства! – возмутился я. – Вот и коробка стоит с шапкой-невидимкой, – я хотел хлопнуть по коробке, но рука упала в траву. Карамба! Только что я положил ее сюда, где же она?

– Какую коробку изволили потерять? Что вы говорите, Санчес Роберто?! Вы были в... В каком-каком царстве вы побывали, сеньор? – изумленно спросил Господин.

Я кинулся в кусты, чтобы показать дверь в туннель, а там ничего, сеньоры, и следа не осталось, даже трава не примята. Господин молча глядел на меня, будто в первый раз видел. Разбуженные нашим спором, стали просыпаться охотники.

– Ох, надо же, как сморило, – говорят, – задремали чуток! Так чем там история с ведьмами закончилась, инквизитор?

– Да ничем, – отвечает мой Господин. – Выстрелил из арбалета одним болтом, а двух ведьм сразил, вот такая история.

Смеются охотники и Господин улыбается. Славная была охота!

Я плотнее завернулся в свой тулупчик, повернулся на бок и спокойно заснул: Господину есть с кем коротать ночь.

Перед рассветом меня разбудило громкое «крух, крух, каррр!».. Пако, болтливая ты птица! Собрал на верхушке елки кучу своих лесных сородичей и оживленно болтает с ними, наверное, сплетничает. Как после этого уснешь? Высунувшись из тулупа, я повертел головой. Охотники спали, как убитые. Им даже Пако не мешал!

А где же Господин? Вроде, только что сидел у костра, веселил всех своими байками и по привычке затачивал края золотых монет. Не торопитесь, сеньоры, сейчас все объясню. Дело в том, что в кармане плаща Господин всегда носил пригоршню золотых, но никогда и нигде ими не расплачивался. В свободную минуту (обычно это бывало на привалах) он доставал монеты и начинал подпиливать, затачивать особым образом их ободки, ребрышки. Я бы тоже так смог, но эту работу он мне не доверял. Вы спрашиваете, зачем он это делал? Не знаю, клянусь святым Элигием! Может, Господин просто не мог сидеть без дела. А может, метил свои монетки, достававшиеся ему нелегким трудом, Бог ведает. Еще я как-то слышал, что некоторые особо озабоченные богатеи подпиливали края золотых, опасаясь подделок или фальшивок, то есть наносили на ребро гурт – узор, рифление или засечки.

Так куда же подевался мой Господин? Зевнув и погрозив Пако кулаком, я выбрался из-под тулупа и побрел к озеру, видневшемуся голубым блюдцем среди деревьев. Карамба, до чего ж не люблю просыпаться так рано! Поскользнувшись на толстом корне сосны, я едва не шлепнулся прямо в воду, да так, лежа у воды, и замер – где-то рядом я почувствовал Господина. Приподняв голову, я обвел глазами пустынный берег. Ага, вот и он! Я удовлетворенно улыбнулся: «бац!» не прошли даром. Вскочив на ноги, я уже хотел припустить к нему навстречу, но только тут заметил, что Господин не один.

На берегу нетерпеливо переступал с ноги на ногу вороной конь, а всадник в черном плаще, наклонившись с седла, что-то говорил Господину, тоже одетому во все черное (откуда он взял свое инквизиторское платье?). Господин внимательно слушал всадника, иногда кивая головой в знак согласия.

Интересно, о чем они говорят? Я напряг слух, но ничего не услышал. Кто же этот всадник, скрывший лицо широким капюшоном черного плаща? Почему он говорит с Господином тайком, чтобы никто не видел? Может, это Папский легат?

За лесом зарозовело небо, окрасив небо и облака перламутровым нежно-алым светом. Конь, встав на дыбы, заржал. Господин, отступив на шаг в сторону, низко поклонился всаднику. Миг – и конь рванул с места, унося всадника в черном плаще.

Я помчался со всех ног к Господину, который скрестив на груди руки, глядел вслед всаднику. Лицо у него было задумчивым и, кажется, даже озабоченным.

– Я так и знал, что вы здесь, Господин!

– Санчо? – несколько удивленно проворчал он. – И чего тебе не спится?!

– Меня разбудил Пако, – пояснил я и, не утерпев, спросил, – Господин, а с кем это вы сейчас разговаривали?

Господин посмотрел на меня пронзительным взглядом и, взяв за плечо, вполголоса ответил:

– У каждого из нас, Санчито, есть свои Духовные Учителя... Правда, не каждый о них знает...

– Этот всадник в черном плаще – ваш Учитель? – попытался хоть что-то вывести я, но Господин не услышал моего вопроса. Или сделал вид, что не слышит (есть за ним такой грех, когда он не хочет отвечать на мои вопросы). Тогда я решил зайти с другой стороны:

– А у меня он есть, мой Духовный Учитель?

– Есть, Санчо, есть...

– А кто он, я могу его увидеть?

– Конечно, можешь, – Господин вздохнул и улыбнулся своей странной улыбкой. – Тебе повезло: ты его видишь каждый день – это я. Пойдем, Санчо, наверное, нас уже ждут...

Духовный Учитель, это еще что такое? И куда делся всадник, с которым говорил Господин? Я даже не слышал топота копыт его коня, он будто растворился в лучах рассвета. Если бы у меня было буйное воображение, я даже мог бы сказать, что конь скакал, не касаясь копытами земли. Но ведь это невозможно, не так ли? Уходя с берега, я на всякий случай оглянулся: вдруг увижу его еще раз? Над водой поднимался туман...

На следующий день Господин велел его не беспокоить и готовиться к отъезду. А сам собрал местных мужчин на небольшой площади. Уселись они на пеньки, а Господин им показывает кусок бересты. Шумят, что-то обсуждают, руками машут, шапки о землю кидают, а Господин на своем стоит. Попробуй его переспорить, хлопот не оберешься. Ну и ладно, без меня обойдутся.

...В тот день мне было грустно. Так не хотелось уезжать из Озерного края, полюбившего мне! Хорошо мне тут было, привольно. Пожалуй, впервые в жизни я сожалел о том, что придется расстаться с этими людьми, с лесом, селищем. Побрел я в лес попрощаться с Озерным краем. И только тут заметил, что листья на деревьях стали желтеть, а птицы, подняв молодняк на крыло, гоняют кругами над лесом, постепенно выстраиваясь то ровной полосой, то треугольником. Видно, чувствуют, что приходит пора прощаться с родными местами. Окунулся и в голубое озеро, даже не почувствовав, что вода стала гораздо холоднее. Заглянул и под дерево, где мы встретили старичка-проводного. Неужели же мне все это приснилось?! Мой Господин молчал, как рыба, отмахиваясь от вопросов, и даже пообещал задать мне трепку, если я еще раз спрошу его о грибном царстве. Не пристало, мол, служителю церкви, отвечать на всякие глупости, сон – он и есть сон. С моим Господином не поспоришь, сами понимаете. Домой я вернулся, когда на небе появились первые звезды...

На рассвете Господин, уже одетый в дорожный черный плащ, вышел из дома, а мне велел собираться, готовить лошадей и потихоньку трогаться. Я упаковывал вещи, складывал их в мешки, отдельно – провиант на дорогу, и выносил к крыльцу. Запрягая лошадей, услышал знакомый голос. Где это моего Господина с утра носит, интересно? Я осторожно выглянул из-за лошади и затаился.

Господин стоял у калитки той доброй женщины, которая приласкала, выручила меня, и беседовал с ней. А женщина... Ей-богу, я бы ее не узнал! Светлое платье, расшитое тончайшими кружевами и жемчугом, соболья накидка, на руках перстни. А на голове алый плат, спускавшийся на спину и схваченный на лбу парчовой повязкой. Красавица! Да сколько ж ей годков-то? Сейчас она выглядела гораздо моложе, чем раньше.

– Ой, гляди, Инквизитор, не шали там в заморских странах, – певучим голосом говорила она, – береги себя от наветов, ибо...

Слово «инквизитор» она произносила как-то особенно, с нажимом, будто оно было его именем.

– О, бесценная роза моего сердца, да кто посмеет донести на меня? – рассмеялся Господин.

Женщина, улыбнувшись, стукнула его кулачком в грудь. Господин, дурачась, схватился за ушибленное место и взмолился:

– Да потише, бабуля, больно же!

Бабуля, он посмел сказать ей «бабуля»? Нет, наверное, мне послышалось, он никогда бы не позволил себе подобного обращения к такой сеньоре.

– Инквизитор, ты мне комедию не ломай, – сурово сказала она. – Лучше скажи, зачем ко мне мальчишку-то присылал?

– Я? Присылал?! – мой Господин был несказанно удивлен. – Я не присылал его к тебе, Хозяйка, клянусь Всевышним.

– Почему же он пришел ко мне дважды? – она сурово смотрела на инквизитора.

– Пришел? Дважды?.. – Господин осекся и, помолчав, добавил, – ты хочешь сказать, что он услышал Зов?.. Нет, этого просто не может быть!

– Когда ты, Инквизитор, впервые услышал Зов?

Мой Господин поморщился, потер рукой подбородок, нахмурился:

– После конфирмации, как обычно это бывает...

– Он слишком молод, он не готов, ты понимаешь это? Ты куда торопишься, Инквизитор?!

– ...Mea culpa – моя вина, Хозяйка, mea maxima culpa, – ответил, помолчав, Господин и посмотрел в небо, где Пако кружил над селищем. – Я не думал, что это случится так скоро, но мальчишка, действительно...

Пако уселся на плечо Господину, смешно наклонил голову к его уху. Я едва не расхохотался: казалось, что Пако что-то шепчет ему. И тут Господин быстро заговорил на незнакомом мне языке. За все время службы я никогда больше не слышал такого. Кажется, они спорят из-за меня? Ну и ладно, меня это не касается. У меня своих дел полно.

Прикрепив футляр компаса к седлу коня Господина, я аккуратно разместил мешки с грузом, чтобы они не набили круп нашим лошадам. Еще раз оглянувшись на наш домик и тихонько прошептал: «Прощай, Озерный край! Я буду помнить тебя».

Схватив лошадей под уздцы, я повел их со двора по дороге навстречу Инквизитору. Он оглянувшись, помахал мне рукой, мол, я сейчас. Встав на колени, он поцеловал руку Хозяйке. Она перекрестила его:

– С Богом, скатертью дорога!

Вскочив в седло, Господин крикнул:

– Прощай, Хозяйка, благодарю за урок! Может, еще и свидимся когда, – и поскакал прочь.

– Прощай, Инквизитор, – тихо, одними губами, прошептала Хозяйка. – Свидимся, да не скоро, столько воды утечет...

Прилично отъехав от нашего селища... Я сказал нашего? Оговорился, извините. В общем, отъехав, я оглянувшись назад. Селище медленно скрывалось за плотными облаками пыли. Или тумана? Бог ведает.

– Санчо!

Услышав окрик, я машинально пригнулся к гриве лошади. Бац! – низко нависшая над дорогой ветка сбила с головы шапку. Я еле успел подхватить ее, перегнувшись в сторону из седла, и снова напялил на голову. И почувствовал, что Господин улыбается.

– Да, Господин?

– Санчо, ну ты красавчик! Сколько раз я говорил, что смотреть нужно перед собой, но взглядом охватывать весь горизонт? – обернувшись, Господин пытливо смотрит на меня, ни капельки не улыбаясь.

– Виноват, – гаркнул я, совсем как местные мальчишки Озерного края, – молод еще, исправлюсь!

Скрывая улыбку, Господин отворачивается. Мог бы и не отворачиваться, ворчу я про себя, я же все равно почувствую.

Прощай, Озерный край!..

...Так уж заведено на белом свете: один родится за сохою ходить, другой – меха раздувать и молотом махать, остальные – горшки лепить, хворост таскать, мечом рубить. А ваш покорный слуга, Санчес Роберто Нортон Рохас, он же Красавчик, родился, чтобы стать декадником. Вы спрашиваете, что это такое – декадник? Здесь нет никакой тайны, сеньоры, и я охотно поведаю об этом.

Выехав из Озерного края, Господин стал как-то странно выбирать дороги, которыми нам надлежало следовать. Проехав отрезок пути до какого-то городка или деревни, он вдруг возвращался назад и, сделав большую петлю, выезжал к другому поселению. И так до бесконечности. Я терялся в догадках, пытаюсь угадать, почему он так поступает, даже как-то осмелился спросить:

– Господин, а за каким дьяволом мы петляем, как зайцы?

Он, сердито сдвинув брови к переносице, потер рукой подбородок, да так сурово как рыкнет:

– Ну, ты кррррасавчег! Так надо!

Надо – так надо, чего ж сразу рычать на любопытного мальчишку? Я ж, испугавшись, чего доброго, могу вообще замолчать...

Да-да, почтеннейшие сеньоры, я прекрасно помню, что обещал рассказать о декаднике. И как раз подбираюсь к этому моменту, слушайте внимательно, коль это вам так интересно.

В каждом поселении на десять дней – декаду – меня продавали в рабство (извините, сеньоры, но при всем моем уважении к хозяину, по-другому это назвать трудно), передавая затем из рук в руки. Передо мной Господин поставил новую задачу: научиться смирению и любви к ближнему, а заодно «воссоединить тело, душу и разум со всеми стихиями». Вы не поняли смысл задания, сеньоры? Уж не думаете ли вы, что малолетний мальчишка мог осознать величие задумки инквизитора? Вы проницательны, снимаю шляпу. Разумеется, я тогда ничегошеньки не понял, кроме одного: в течение декады я буду жить у чужих людей. Я отнесся к этому со свойственным мне легкомыслием и энтузиазмом, думая, хоть немного отдохну от привычных хлопот. Как же я жестоко ошибался, сеньоры!

Только сейчас, по прошествии многих лет, я понял, насколько мудро поступил тогда мой Господин. Он не случайно колесил по городам и весям, не случайно подбирал людей, коим доверял своего слугу. Это были истинные мастера своего дела, влюбленные в свое ремесло и знающие его до мельчайших подробностей, – настоящие философы. Кроме того, я, постоянно находясь подле инквизитора, мало общался с другими людьми, не знал, чем они живут, о чем с ними говорить, как подобает себя вести. Да еще и начинал гордиться своим положением в обществе, ведь я был не просто мальчиком на побегушках, а слугой инквизитора, хотя тогда ничего собою не представлял: мальчишка, как мальчишка. Ну, может быть, чуть более смысленный и подвижный, чем другие...

Добравшись по раскисшим от осенних дождей дорогам до нужного поселения, мы переночевали на постоялом дворе, а на рассвете Господин отвел меня к водоносу, и, передав с рук на руки, сказал:

– Передаю тебе душу и тело слуги моего, Санчеса Роберто. Учи его, как считаешь нужным, – слегка поклонившись, Господин передал водоносу небольшой позвякивавший мешочек и какую-то бумагу со своей печатью.

Мне ли не знать его печатей! На левой руке Господин носил перстень-печатку с малым гербом своего рода: на белом фоне щита – так называемый мельничный багровый крест, а за щитом три скрещенных меча. На простых записках он оставлял вместо подписи удостоверяющий оттиск узора перстня, а на важных бумагах – личную печать инквизитора на воске.

Обернувшись ко мне, Господин пожелал:

– Постарайся не посрамить звания слуги инквизитора. Удачи тебе, Санчес!

Так я стал учеником водоноса – пожилого мужчины, который своей молитвенной строгостью, коротко остриженными волосами, усами и бородкой вокруг рта напоминал мне странствующего монаха.

Первый день со мной возился старший подмастерье, показывая, где стоят кувшины, где находятся источники, как осторожно нужно ступать по горным тропинкам, чтобы не грохнуться самому и не разбить кувшины. Вот еще, какая премудрость: поднялся в горы к источ-

нику, набрал воды и назад! Но когда мы раз двадцать поднялись в горы, да спустились вниз с тяжелыми мокрыми кувшинами, стало не до смеха. Вода иногда выплескивалась на тропинку, ноги скользили по мокрым камням, руки ломило от тяжести. А старший шагал, посвистывая, иногда с интересом и ехидной усмешкой посматривал в мою сторону. Он думал, что я так просто сдамся и заную? Не на того напал!

Во все последующие дни со мной работал сам водонос. У меня уже язык на плече от усталости, а он идет и рассказывает мне, почему они именно тут берут воду, чем она хороша, как узнать, не опасно ли пить воду из незнакомого источника и прочее. Особенно меня впечатлили его байки о водичке. Например, про старый треснутый кувшин, который водонос ни за что не хотел менять на новый. Вода, стекая сквозь трещину на обочину тропы, поливала цветы, которые потом радовали старого водоноса ароматом.

Много интересного я узнал, признаюсь. Недалеко от деревни, у подножия горы, бил ключ горячей воды с резким запахом. Оказалось, что водой – этой простой водой можно лечить кое-какие болячки. Если больного омыwać ею, то кожа станет чистой, могут даже рубцы и шрамы разгладиться.

Многие люди считают, что рябина – бесполезное растение, которое привлекает взгляд лишь резными зелеными листьями и яркими кистями ягод. Глупцы, право слово, они просто не знают, какое это сокровище! Часто бывает, что в походах рыцарям негде взять чистую воду и жажда становится большой проблемой. Если рядом растет рябина, то проблема, считай, решена. Достаточно набрать в сосуд воды хоть из болота, хоть из лужи у дороги, бросить туда несколько веточек рябины – вуаля! – через пару часов воду можно пить без опаски.

– А почему ваш подмастерье говорил, что нельзя ходить по воду с дурными мыслями или в плохом настроении? – как-то поинтересовался я.

– О, Санчес Роберто, вода запоминает все! Она помнит сотворение мира, всемирный потоп и нашего Создателя! Ты загрустишь – вода станет скучной. Ты разозлишься – вода впитает твой гнев. Мои ученики первым делом учатся выкидывать из головы неприятности и улыбаться. А когда набирают воду из источника...

– ...Они читают «Отче наш», – закончил его мысль я.

– И не забудь поблагодарить наш источник! Тогда наша водица становится еще лучше, ведь она слышит славословие, обращенное к Создателю. Вода – бесценный дар Божий, – подвел итог водонос. – Полное спокойствие разума, улыбка и молитва – так учил меня отец, а его – его отец, а его – мои прадеды. Потому нашу воду покупает и простой люд, и знать. Все знают: наша вода лучшая в округе. А если в жаркий день в воду положить инжир, то ее охотнее купят: вкус ее станет мягким и свежим.

Есть и еще один секрет, Санчес Роберто, о котором знают не все. Ты видел большие бочонки с водой, что стоят в гроте неподалеку от моей усадьбы?

– Видеть-то видел, но издали. Подмастерье запретил мне подходить туда близко.

Водонос довольно улыбнулся, мол, молодец, блюдет наказ хозяина. Засунув руку в карман, он вытащил несколько невзрачных камней сероватого или бурого цвета с острыми краями:

– Дно тех бочек устилает слой вот таких камней. Водица, настаиваясь в темноте, приобретает особую мягкость и приятный вкус от трех стихий – воды, земли и воздуха (бочки-то прикрыты только тонким полотном). Это поистине живая вода, Санчес!

– А как понять, какая вода живая, мастер? – заинтересовала меня эта живая вода. – Если есть живая, то, наверное, должна быть и мертвая вода? А можно ли определить, какая сейчас вода в кувшине?

– Видишь ли, Санчес, словами-то я того, не очень, – водонос похмыкал, озадаченно почесал затылок...

Внезапно выхватив из-под плаща нож, он полоснул меня по руке. Я в ужасе завопил, увидев, как из раны рубиновыми каплями проступает кровь. Водонос ловко перевернул мою

руку раной вверх и щедро оросил ее водой из фляги, что висела у него на поясе. Вы не поверите, сеньоры, но через некоторое время кровь перестала сочиться, и рана стала покрываться струпом.

– Видишь, Санчес Роберто, в твоём кувшине – живая вода. И ты на себе сейчас почувствовал ее воздействие.

Вскоре от пореза осталась лишь тонкая светлая полоска в том месте, где прошёлся острый нож водоноса. Так, через рану и кровь, я познакомился со стихией Воды. Нужно ли говорить, что по окончании декады я уезжал с большой флягой этой чудесной живительной влаги?..

Меня перевезли в другое место и все повторилось:

– Передаю тебе душу и тело слуги инквизитора, Санчеса Роберто. Учи его, как считаешь нужным, – с этими словами мастер-водонос передал меня вместе с деньгами и письмом Господина мельнику.

Мельник был здоровым, толстым мужчиной в белом одеянии. Его уважали в поселении больше, чем старосту, его слово последним решало все споры. За всю декаду я не слышал дурного слова о нем. Говорили о нем, как о хорошем хозяине и справедливом человеке, который и очередь блюдет, и зерно чувствует, и муку хорошо мелет, и мельницы у него всегда ухожены, и плату за помол берет по-божески, и своих работников зря никогда не обидит.

Мельниц у него было несколько: одна водяная у реки, и несколько ветряных с прямыми угольными лопастями-парусами – на высокой горке. Теперь я многое знал об устройстве мельниц: о жерновах, эстакадах, башнях, лебедках, коньках, шестернях. Пожалуй, если бы мне поручили построить мельницу, я бы это сделал. Я весь был покрыт мукой с головы до ног. Казалось, встряхни меня, повалят клубы мучной пыли. Несмотря на это, мне нравилось у моего нового хозяина, даже к постоянному шуму мельниц я быстро привык.

– Что такое мельница? – вопрошал мастер-мельник. – Это вода или воздух. А что мы мелем на мельнице? Зерно. Ты никогда не задумывался, Санчес, что каждое зернышко – это наша жизнь? Мы, как Божьи творения, рождаемся, растем и умираем. Вот растет семечко в земле, греется на солнышке, дождиком его поливает и родится колосок с зернами. И каждое зернышко должно умереть, чтобы потом возродиться, как птица Феникс.

– Умереть? – удивляюсь я. – Что-то тут не вяжется, мастер. Разве из мертвого зерна что-то путное вырастет?

– Вырастет, вырастет, – мельник хитро улыбается, зачерпнув горсть зерна из мешка, любуется им, перебирает зернышки и аккуратно, струйкой из кулака, высыпает обратно в мешок. – Вообще-то, в чем-то ты прав: дурное семя – дурное племя. Но в дурном семени часто есть вина земледельца. Проглядел тернии и сорняки, не ухаживал за посевами как должно, плохо высушил собранный урожай, хранил не так. Не о том сейчас речь. В каждом зернышке спит жизнь. Если семечко не похоронить, посеяв в землю, оно не вырастет, не возродится новая душа зернышка. Каждое семя несет в себе искру Божьего творения – зарождающуюся жизнь. Всю жизнь не перестаю удивляться, до чего же мудро все устроил Господь! Потому и существует у всех людей священное отношение к любому зернышку и хлебу.

А сколько занимательных баек, связанных с мельницами, рассказали мне! Весь день я старательно работал, подметая пол, таская мешки с зерном или мукой, смазывая дегтем шестеренки, и с нетерпением ждал вечера, чтобы снова услышать что-то необычное. Водяные, которые являются в виде щуки, ундины – утопленницы, которые моют и чешут волосы у омута на заброшенных мельницах. Караконджулы – демоны в виде получеловека-полуконя с горящими глазами, которые появляются перед Рождеством, душат людей, протыкают их гребнем для льна, сводят с ума и выпивают кровь. Черти, которые бесплатно мелют крестьянам муку, а потом подсыпают в нее песок. Чудо-мельницы, которые могут намолоть человеку все, что угодно, даже молодость и красоту, ей-богу, в жизни не слышал ничего подобного! Наслушавшись удивительных историй, я отправлялся ночевать в амбар и мгновенно засыпал.

Однажды сквозь сон я услышал чье-то медленное сопение, будто рядом кто-то шумно дышит. Я приоткрыл глаза – никого, но дыхание слышалось совсем рядом. Медленно повернувшись на тюфяке, я обомлел от страха: посреди амбара сидел огромный дракон. Вот чьи тяжелые вздохи разбудили меня!

Коричневый рогатый дракон, покрытый чешуей с зеленоватым оттенком, сидел на мощных когтистых лапах и неотрывно смотрел на меня немигающими изумрудными глазами с вертикальным зрачком. Я почувствовал неописуемый ужас и понял, что нельзя смотреть ему в глаза, околдует! Вспомнив, что под тюфяком лежит мой меч, медленно, стараясь быть совсем незаметным (это при отличном-то зрении дракона!), я вытащил меч и вскочил на ноги. Дракон воинственно взъерошил свой гребень – он был опасен, сеньоры, очень опасен и я чувствовал это. Какое-то время мы стояли, внимательно наблюдая друг за другом. Первой моей мыслью было – бежать! Я посмотрел на дверь амбара и попытался обойти дракона, но он всегда угадывал мои передвижения и перекрывал путь. Мысли о спасении все больше захватывали меня, когда чей-то голос в голове произнес: «Бегство, Санчо, это твоя готовность умереть». Карамба, сколько же мне придется тут торчать, как мышь перед котом? Слуга я инквизитора или кто?! Я сделал выпад и атаковал чудовище, попытавшись хотя бы разок ткнуть его в блестящую чешую шеи, да где там! Дракон мгновенно свернулся клубком и взмыл ввысь, под крышу амбара, превратившись в гигантскую летучую змею. Я едва успел отскочить в сторону и прикрыть голову локтем от яда, капающего из раскрытой пасти паршивой змеюки. Преследуя, змея коброй раздула капюшон и, зависнув надо мной, страшно зашипела. Изловчившись, хватаю ее хвост и наматываю на кулак. Змеюке это не нравится, она начинает дергаться, пытается освободиться. И вот передо мной ее голова с драконьими глазами. Взмах мечом – бац! – голова змеюки падает к моим ногам, сочась черной пузырящейся жидкостью. Победа! Победа? Как бы не так, сеньоры! Содрогаюсь в предсмертных судорогах, обрубок продолжает шипеть: «Думаешь, ты меня победил, Санчес Роберто Нортон Рохас? Ничего, мы еще с тобой встретимся...».

У меня пробежал мороз по коже, когда отрубленная голова змеи (или дракона, не поймешь) на моих глазах превратилась в маленького черного вороненка... Просыпаюсь от кошмарного сна весь в поту и с трудом пытаюсь сообразить: что это было? В амбаре мне становится очень уж не по себе. Во дворе вижу сидящего на нижней ветке дерева черного вороненка, который косится на меня своими голубовато-черными бусинками глаз.

– Пако?! Откуда ты здесь?

Вороненок перелетел на мешок, поклевал зерна, пару раз каркнул: «Крух, крух!» – взмахнул крыльями и улетел.

Из двери дома вышел, зевая, мельник. Перепуганный, я опрометью кинулся к нему:

– Наставник, сеньор мельник, выслушайте меня, умоляю! Мне больше не к кому обратиться за советом, мой Господин далеко. Я увидел сейчас дракона и моего вороненка Пако...

Мельник присел на замшелый валун и поставил меня между ног:

– Спокойно, Санчо, спокойно и все по порядку, чтобы я понял, в чем дело.

Выслушав меня, он похмыкал, задал пару уточняющих вопросов, и произнес:

– Похоже, тебе показали предысторию... – увидев, что я ничего не понял, он не стал больше ничего говорить и приказал, – трактуй свой сон, как ты его понял?

– Сеньор, я в затруднении... но попытаюсь. Очевидно, мне предстоит встреча с драконом, он ведь пообещал вернуться? И я... убил Пако, – на глаза навернулись слезы, до того мне было жаль моего ворона!

– Ну-ну, – мельник потрепал меня по голове. – Дурной сон, как ночной морок... А Пако ты не убил. Ты его освободил от змеи. А освободив, Санчо, ты породнился с ним. Вороны и драконы – родственные души. Все в порядке, вот так трактуется твой сон...

Когда декада подошла к концу, мастер дал мне мешочек муки:

– Это особая мука, Санчес, с девятого зерна. Бери, пригодится!

– А для чего она мне, мастер? Пирог печь, что ли? – полюбопытствовал я.

– Разве твой Господин ничего не говорил о муке? – удивился мельник.

– Вроде, ничего такого не припомню.

Мельник оглянулся по сторонам, наклонился ко мне и тихонько проговорил:

– Ведьмы, Санчес... Иногда они следят за твоим Господином и всегда готовы, если не вступить в открытый бой, то хотя бы сильно досадить ему. Знаешь ли, Санчес, души ведьм могут покидать их тела и носиться по миру. И когда это случается, ведьмовские души могут в незримом виде напасть и на тебя, слугу инквизитора, и даже на твоего Господина.

– А что же нам делать? Их можно как-то увидеть, этих ведьм?

Мельник выпрямился, поднял кверху палец, привлекая мое внимание:

– Для этого я тебе и даю мешочек моей муки. Отдай ее своему хозяину, он знает, что делать дальше.

Ну, как всегда, на самом интересном месте – к Господину! Нет уж, теперь я вцепился в мельника мертвой хваткой: не отстану, пока не узнаю все! Мельник, хитрюга такой, был польщен моей настырностью. Поломавшись немного, он пояснил, для чего нужна мука девятого зерна:

– Бывают случаи, когда инквизитор чувствует, что где-то рядом незримая ведьмовская душа, а черную ее сущность не всегда видит. Вот в таких случаях священники могут рассыпать муку вокруг себя тонким слоем. Как только сущность захочет добраться до него, следы ее ступней на муке и отпечатаются. Тогда вы будете точно знать, откуда ждать нападения, ясно?

Воистину, как говорил мой Господин, *ex minimis seminibus nascuntur ingenia* – великое рождается из малых семян. Низко поклонившись, я от всей души поблагодарил мельника за науку...

Меня перевезли в другое место и все повторилось:

– Передаю тебе душу и тело слуги инквизитора, Санчеса Роберто. Учи его, как считаешь нужным, – с этими словами передал мельник меня горшечнику...

Знаете, сеньоры, каждый мастер-ремесленник, к которому меня определяли на декаду, утверждал, что именно его ремесло – самое главное, важное и нужное. И каждый раз, несмотря на некоторую недоверчивость и строптивость моего характера, я был вынужден признать их правоту. Самыми главными, важными и нужными, как я убедился, стали ремесла водоноса и мельника. Что ждало меня у горшечника? Уж там-то, точно, никаких особых секретов и сакральных знаний быть не должно. Чего там, взял глины, слепил миску или горшок – вот и все дела. И я опять ошибся в своих рассуждениях, сеньоры.

Горшечник был лохматым мужчиной с кудрявой короткой бородой и усами. Меня поразили его мускулистые сильные руки с длинными, как паучьи лапы, пальцами. Иногда мне казалось, что его пальцы живут своей жизнью и, даже находясь в покое, шевелятся, будто вылепленные из воздуха удивительно красивые вещицы. Наверное, даже черепица или обычный кирпич, изготовленный им, были бы прекрасны. Меня весьма удивило, что одним из подмастерьев горшечника была его дочь. Ей поручали самую тонкую работу: витые ручки кружек, роспись и украшение супниц, ваз, игрушек, она же следила за горном, где обжигали изделия.

Первый день моим обучением, как обычно, занялся старший подмастерье. Веселый такой парень оказался, скажу я вам! В тот день моросил скучный серый дождик, а небо было сплошь затянуто темно-серыми тучами. Пронизывающий ветер сметал с деревьев последние увядшие листья и гнал их прочь, завывая на все лады. Поплотнее завернувшись в плащи и надвинув поглубже на глаза капюшоны, мы с подмастерьем отправились в поле, толкая впереди себя тачку с лопатами и мешками.

Пока мы шли, он, веселясь неизвестно чему, рассказывал мне о сортах глины – красной, белой, бурой и даже голубой. Говорил, что и Адам был сотворен Господом из глины, правда,

не удержавшись, я его тут поправил: «Не из глины, а из праха земного». Он на миг перестал улыбаться, сказав, что это неважно. И, наверное, чтобы поугаждать меня, начал рассказывать байки о каком-то Пражском големе – человеке из глины, в которого чародеи вдохнули жизнь. Мне было интересно его слушать, но когда подмастерье рассказал о древнем царе, которому приснился колосс с золотой головой на глиняных ногах, предвещавший своим разрушением гибель того царства, я насторожился. Мне это показалось дурным знаком, поэтому я решил быть осторожнее.

Да, веселым был подмастерье. Приведет меня к оврагу, скажет, что здесь самая лучшая глина и, сунув мне в руки лопату, командует: найди глину, накопи пригоршней десять, а я посмотрю. И сидит на пне или толстой ветке дерева, наблюдая, как я тычусь во все стороны, тщетно пытаюсь угадать, где тут вообще глина и какая из них лучшая. Да еще отвлекает меня от дела своими разговорами. Говорил, как правильно выбрать глину для изготовления разных вещей: белую – для чашек и тарелок, красную, желтую или бурую – для кирпича, черепицы, больших горшков и кувшинов. Замешивая тесто из глины, важно было добавить нужное количество мелкого песка и воды. А еще он поведал о своей мечте: поехать в дальние страны, найти там особую, голубую глину, в которой спрятаны драгоценные камни. Откуда он это узнал, не знаю, но почему-то я ему поверил, подумав: такой, точно, найдет!

Наконец, он показал мне, как выглядит то, что мы искали: желтая глина была жирной, лоснящейся на ощупь, и залегала пластом в стенке оврага. Приказав мне накопать глины, он сунул руку за пазуху, достал краюшку хлеба и начал ее жевать.

Когда я выкопал уже приличную нору в стенке оврага, набил глиной пару мешков, то почувствовал опасность. Еще пара взмахов лопатой, и я едва успел отскочить в сторону, хвала Господу! Огромный пласт мокрой от дождя земли съехал как раз на то место, где я только что стоял. Я перевел дыхание и поднял голову: сверху на меня смотрели такие перепуганные глаза подмастерья, что словами не описать. Съехав на дно оврага по свежей осыпи, он принялся ощупывать меня и все спрашивал: «Ты цел, тебя не зацепило? Я должен был предупредить...».

Откопав из-под земли мешки с глиной, погрузили их в тачку и тронулись в обратный путь. Всю дорогу подмастерье пытался шутить, а сам с какой-то тревогой поглядывал на меня.

В мастерскую мы вернулись под вечер, мокрые, грязные и уставшие. Горшечник, взглянув на меня, поинтересовался, почему я весь в глине? «Поскользнулся с непривычки», – проворчал я и увидел благодарные глаза старшего подмастерья. Меня погнали мыться, покормили и указали место для ночлега. Едва я прилег, ко мне подошел старший. Я встал (негоже быть невежей!), поклонился ему и сказал: «Благодарю тебя за науку. Ты посвятил меня во все знания, которыми владел. Но я – слуга инквизитора, этих знаний мне мало, потому с завтрашнего дня сам мастер-горшечник станет моим учителем». Я видел, что мои слова крепко его зацепили, но я помнил наказ моего Господина – учиться смирению. Вздыхнув, я добавил: «Ты будешь настоящим мастером, ты душой чувствуешь стихию земли. И ты обязательно найдешь свой драгоценный камень в голубой глине».

Началась наука от мастера. На гончарном круге, который он вращал босыми ногами, под длинными чуткими пальцами вырастали миски, горшки, кувшины разных размеров и форм. Например, горшок завершался венчиком, от которого вниз шло узкое или широкое горло, переходящее в раздутые или слабовыпуклые стенки – плечи и толстое доньшко. Подсохшие изделия потом струной с двумя ручками – вжик! – срезали с круга и ставили на сушку. Если был заказ на посуду для знати, то к делу приступала дочь горшечника, украшая венчик рифлением, желобками – канелюрами, наносила узор краской красного, бурого или черного цвета, прикрепляла декор. Потом сосуд шлифовали, обжигали и приступали к молочению – замачивали в молоке, опять обжигали, чистили от нагара песком или рогожей и обрабатывали горячим воском.

– В нашем деле, Санчо, переплетается ремесло и искусство, – говорил между делом мастер. – Знание и руки – наш основной инструмент. Вот возьму комок глины, помню его, покручу, и руки уже сами знают, что из этого комка сделать. И основа основ – мощная стихия огня в сочетании со стихией земли и воды. Перельешь воды, сосуд будет трескаться при сушке. Пережаришь в горне, сосуд станет хрупким и некрасивым, пойдет трещинами или раковинами. Хорошую глину нужно искать там, где есть влага – в оврагах, на берегу водоемов. Вообще, глина – это дар Божий. Помнишь, как Господь говорит: «Вот, что глина в руке горшечника, то вы в Моей руке» или «...Чтобы земля изменилась, как глина под печатью, и стала как разноцветная одежда...». Всего семь раз упоминается в Библии слово «глина». А число семь – сакральное, полное смысла. Согласно Священному Писанию, семерка – совершенное число, которое правит временем и пространством. За семь дней Бог сотворил все сущее. Рим построен на семи холмах, в неделе семь дней, семь кругов ада и семь смертных грехов. Думаешь, это случайные совпадения? Нет, Санчо, нет и нет! Во всем – Рука Его, Его промысел.

Глина – не только сосуда и черепица. Она может и лечить недуги. Намажь теплой глиной больное место, оберни тряпицей и жди исцеления. Обжегся – глина придет на помощь. Даже если тебя отравили ядом, глина тоже может помочь. Учись, Санчо, познавай самое древнее и нужное ремесло...

Я старательно искал нужную глину, месил ее в корыте ногами и руками, вращал гончарный круг. И сколько кривых, косых горшков, сделанных моими неловкими пальцами, летело в кучу глины, не счесть! Но однажды мне удалось слепить вполне нормальный горшок. Пока он сох, я украсил его, как умел, изображением цветков-колокольчиков и листьев. Взглянув на мое художество, мастер спросил:

– Это болотный мирт?

– Да, мастер, я пытался изобразить именно его. Мой Господин недавно побывал в Озерном крае, а я сопровождал его.

– Тебе это неплохо удалось, – заметил мастер и, позвав дочь, спросил, – как тебе этот узор?

– Интересно, – задумчиво проговорила она, – мирт еще называют именем прорицательницы Кассандры, предсказавшей гибель Трои... У древних греков мирт был символом молодости, красоты и целомудрия.

– Еще бы! – воскликнул я. – Господин говорил, что миртом обсаживали в давние времена храмы, а в Риме до сих пор берут с собой веточку, отправляясь в дальнюю дорогу. Мой Господин делает из него зелья, когда мы идем в зачумленные города, врачует раны рыцарей, иногда делает бодрящий напиток для увеличения силы. Еще он говорил, что в домах его держать не следует...

– Почему ты нарисовал именно мирт? – строго спросил горшечник.

– Не знаю, – я пожал плечами, – я только взял в руки спицу, а рисунок пришел сам собой. Если вам не нравится, я тотчас отшлифую горшок.

Горшечник и его дочь многозначительно переглянулись, и мастер, кинув мне кусок глины, приказал:

– Ну-ка, попробуй еще раз! Слушай руки и лепи, что получится!

– Как прикажете, мастер, – поклонился я, поймав глину. – Не знаю, получится ли...

Отец и дочь молча занялись своими делами, не обращая на меня внимания.

Я мял в руках податливый кусочек глины и вдруг вспомнил... Озерный край, лесное голубое озеро, дымка над водой и всадник в черном плаще, уплывающий вдаль на вороном коне...

– Стоп!

Я удивленно оглянулся по сторонам: кто это приказал мне остановиться?.. О, Господи! Я же декадник у горшечника: вот деревянный гончарный круг, полки с подсыхающими сосудами, горн, на улице под навесом ученики месят в корытах глиняное тесто.

Взяв у меня из рук фигурку всадника на коне, мастер и его дочь шептались о чем-то, кидая на меня исподтишка взгляды, полные недоумения.

– Господин рассказывал тебе о кукле вольт? – как бы вскользь поинтересовался мастер.

Я собрался кивнуть в знак согласия, услышав знакомое слово «кукла», но потом отрицательно помахал головой:

– Вольт? А что это такое?

Мастер, не отвечая, начал вертеть фигурку в руках. Его чуткие пальцы, паучьи лапки, ласково поглаживали уголки, постепенно округляя моего всадника, превращая его в мячик. Я, как зачарованный, не мог оторвать взгляда от его рук. Покатав между ладонями уже округлый кусочек глины, мастер резким движением смял его в кулаке и швырнул в корыто с глиной, куда как раз наливали воду ученики.

– Хорошо, отдыхай сегодня. И обязательно сходи с подмастерьем на вечернюю службу в храм.

На следующий день меня почему-то поручили опять старшему подмастерью. Ох, и насмеялись мы, вспоминая наше знакомство! Захлебываясь от смеха, я просил:

– Расскажи-ка, мастер, про того глиняного голема! Как он ходил-то, как ел, пил?

И подмастерье, на ходу выдумывая приключения голема, с удовольствием рассказывал мне все новые и новые подробности странствий глиняного человека. Вернувшись с первым ударом вечернего церковного колокола в усадьбу, мы притащили целых четыре мешка белой глины. С улыбкой и работается лучше, сеньоры!

А вот в мастерской горшечника меня ждал сюрприз.

– Спасибо тебе, Санчо, за идею! – и мастер показал мне фигурку лошади, на которой сидел рыцарь в доспехах.

Я осторожно вертел в руках чудо-рыцаря и восхищенно ахал: до мельчайших подробностей в фигурке были изображены конь с гривой, уздечка, украшенная тремя накладками в виде цветков мирта, у рыцаря – котт, достигавший середины голени, топфхельм – горшковый шлем и кольчужная бармица. В руках рыцарь держал щит с изображением ветки мирта и меч. Мастер и его дочь от души веселились, наблюдая за мной:

– Главное-то, главное заметил? – спросил мастер. – Рыцарь не простой, а полый внутри, Санчо. Это рыцарь-кувшин! Смотри: вода наливается в топфхельм – крышку, а выливается из головы коня!

Я наклонил рыцаря: на мою ладонь струйкой вытекла вода. Я был поражен мастерством горшечника, а он, кивнув в сторону дочери, улыбнулся:

– Это не я, это моя дочь сотворила. Ей заказали сделать нечто необычное для сына нашего графа. Она месяц билась и ничего путного не могла придумать. А тут, благодаря тебе, дело пошло. Как думаешь, понравится такая вещица юному виконту?

– Еще бы, конечно, понравится! – воскликнул я и низко поклонился мастерам.

Когда закончилась моя декада у горшечника, мастер и его дочь подарили мне мешочек белой глины и изящный горшок с крышкой, больше похожий на вазу.

– Санчо, твой Господин начал твое обучение, хотя ты и не замечаешь этого. Ремесло у него особое, требующее знаний некоторых ритуалов и обрядов. Знаешь об этом? Прекрасно! Этот горшок сможет сохранить твою душу невредимой. Больше пока мы ничего не можем тебе сказать, парень. *Omnia tempus habent* – всему свое время...

Снова бежала вдаль дорога, уводя меня все дальше от горшечника, снова звучали слова:

– Передаю тебе душу и тело слуги инквизитора, Санчеса Роберто. Учи его, как считаешь нужным...

Передо мной стояло внушительное строение, сложенное из толстых, потемневших от времени бревен, с коричневой черепичной крышей. Из трубы на крыше валили клубы дыма.

Поразил меня прибитый над дверью щит, разрубленный надвое, между половинками которого был прикреплен меч. «Что бы это значило?» – только и успел я подумать, как из кузницы вышел огромный, как медведь, мужчина средних лет. Сходство со зверем усиливали глубоко посаженные карие глаза под кустистыми бровями, обнаженные волосатые грудь и руки, бугрящиеся мышцами. Спадавшие на плечи темные волосы, схваченные на лбу ремешком, слегка прикрывали жуткий шрам на левой щеке, придававший ему свирепый вид.

Едва взглянув на меня, он подошел к горшечнику, взял мешочек с весело звякнувшими монетами. Письмо моего Господина он развернул, внимательно вглядываясь в строки при слабом свете затухающего дня.

– Ну и что я буду делать с этим цыпленком?! – спросил он горшечника, слегка толкнув меня в спину. – От одного моего прикосновения он будет лететь дальше, чем видит!

Перед тем, как влететь в кузницу, я услышал ответ горшечника:

– Ты не совсем прав, друг...

Пушинкой влетев в открытые двери мастерской, я едва не врезался в какую-то железяку. Спасибо, кто-то подхватил меня крепкой рукой и аккуратно поставил у стенок.

Я огляделся вокруг. Сквозь небольшое окошко едва пробивался тусклый осенний свет. В глубине мастерской стоял горн с бушующим пламенем, меха которого время от времени подкачивал один из работников. Рядом стоял огромный старый пень, на котором лежала вытянутая толстая железная плита, а кузнец, держа щипцами раскаленный кусок железа, лупил по нему огромным молотом – искры во все стороны! Справа – точильный круг, какие-то железяки, о которые я чуть не расшибся. По всей кузнице снуют потные работники в штанах, грубых рукавицах и фартуках на голых торсах. Кое-где на земляном полу валялись куски железа, на лавках – молоты, щипцы, клещи разных размеров и куча инструментов, которые я видел впервые. Грохот, пыль, дым и копоть, чад от горячего металла, шипение испаряющейся воды в бочке, куда сунули большой кусок железа – да это же сама преисподняя!

«Mater Dei, – ошеломленно подумал я. – Добро пожаловать в ад!». Наверное, я это не подумал, а произвольно произнес вслух, потому что пробежавший мимо парень громко захохотал, получил затрещину от старшего подмастерья, и даже не почесавшись, умчался в угол. Там, у окна, стоял низкий стол, заваленный мотками проволоки.

В кузницу вошел Медведь (так я окрестил моего нового наставника). Оглянувшись по сторонам, он увидел меня и прорычал:

– Некогда мне с тобой возиться, Цыпленок! Нынче мы должны доделать большой заказ для феодала. Иди туда, – он указал пальцем в угол, где сидел тот самый улыбающийся парень, – Люк, пристрой Цыпленка к делу!

Странно, обычно меня сразу начинал учить старший подмастерье, а не ученики. Вздыхнув, я смирился со своей горькой участью и потопал к этому самому Люку. Остановившись у стола с проволокой, я вопросительно посмотрел на Люка. Тот ногой подвинул ко мне низкий деревянный табурет, мол, садись, и стал объяснять:

– Ну, Цыпленок, мы с тобой будем плести кольчуги. Вот тебе трубка, намотай на нее проволоку. Дело нехитрое, но очень ответственное. Вот сюда, в дырку, запихни кончик проволоки, чтобы не соскочила с трубки, а потом мотай. Виток к витку, плотненько. И запомни: кузнец – почти бог, кузница – наш храм, а алтарь – наковальня, – он указал кивком головы на пень с плитой. – Главное, ты должен быть очень внимателен и осторожен: не попади под руки мастерам, ходи с оглядкой, иначе покалечишься.

«Цыпленок», то бишь я, кивнув головой, осторожно присел на табурет и взял в руки трубку. Дело нехитрое, говорите? Как бы ни так! Трубка была длинной, проволока – непослушной и все норовила свернуться в клубок, а чтобы ее туго намотать на трубку, приходилось

прикладывать значительное усилие – пальцы ныли. Старательно наматывая проволоку, кольцо к кольцу, я с интересом поглядывал по сторонам: все-таки заворожила меня магия огня и раскаленного металла!

Закончив работу, я протянул трубку Люку. Он, одобрительно кивнув, подал мне следующую, а сам аккуратно стал перерезать намотанную мной проволоку вдоль: получилась целая куча колечек. Наматывая очередную порцию проволоки, я заметил, что Люк все время заинтересованно посматривает на меня. Наконец он спросил:

– Тебя как зовут-то?

– Цыпленок, – огрызнулся я.

– Да уж, наш хозяин мастак на прозвища: скажет, как припечатает! – рассмеялся Люк. – Ты не обижайся, мне ж интересно. Давненько чужаков у нас не было. А каждый чужак – кладезь всяких историй. Так как тебя зовут?

– Санчес Роберто Нортон Рохас, – отчеканил я и, подумав, добавил, – а мой Господин зовет меня по-разному: то Санчо, то крррасавчег, то Красавчик, по обстоятельствам.

– Значит, и я тебя буду звать Санчо, – миролюбиво заявил Люк. – Тебе повезло, что ты к нам попал. Наша кузница лучшая в мире, у хозяина есть свое клеймо. Он глава гильдии кузнецов, – понизив голос, он таинственно добавил, – среди наших заказчиков даже сам король! Видел бы ты, какие кольца, цепи да ожерелья кует из золота и серебра наш мастер!.. Ты надолго к нам учеником?

– Я не ученик, я – декадник, – пояснил я, но поняв, что Люку это ничего не говорит, добавил, – Господин решил обучить меня всякому ремеслу, чтобы я познал все стихии. По декаде меня учили водонос, мельник, горшечник. Сейчас вот к вам попал, к вашему Медведю...

– Тсс, – испуганно оборвал меня Люк и оглянулся по сторонам, не услышал ли кто? – У нас не принято говорить об этом.

– О чем, об этом? – спросил было я, но Люк усиленно начал нанизывать колечки – на одно по четыре штуки, и не ответил. Тогда я решил зайти с другой стороны:

– У моего Господина тоже есть кольчужка необыкновенной красоты – тонкая, но прочная. Его Святейшество самолично ее освятил.

– Правда? – заинтересовался Люк. – Наверное, искусные мастера ее плели?

Я молча кивнул головой. Не рассказывать же ему про грибное царство и чудесных мастеров? Не поверит, подымет на смех. Да я и сам сейчас не был уверен, что это приключение мне не приснилось.

Продолжая наматывать проволоку на трубки, я продолжал потихоньку оглядывать кузницу. Мое внимание привлекли листы бумаги, прикрепленные гвоздями к бревенчатым стенам. На самом верхнем листе было изображение змея: гибкий зеленый дракон вставал на задние лапы, расправив крылья, из его ноздрей вырывалось пламя. Меня настолько поразил рисунок, что я осмелился спросить:

– Люк, кто это нарисовал?

– Этого дракона придумал мастер, а нарисовал старший подмастерье, он мастак в этом деле. Ему только скажи, что хочешь увидеть, все нарисует точь-в-точь! Хоть коня, хоть птицу, хоть зверя, – глянув через плечо на рисунок, ответил Люк, кивком головы указав на здоровяка, махавшего молотом. – Понравился дракон? Такие рисунки мы иногда наносим на мечи или кинжалы.

– Да, – задумчиво произнес я. – Тут что-то не так: такого дракона нельзя придумать, его нужно было видеть. Почти такого же видел я, только цвет у него был коричнево-зеленый.

– Да где ты его мог видеть, Санчо? – недоверчиво спросил Люк. – Этого не может быть!

– Но ведь... – я на секунду запнулся, готовый произнести «Медведь», но вовремя спохватился, – но кузнец-то его, точно, видел!

– На то он и кузнец, – серьезно заметил Люк и пожал плечами. – Наш хозяин много чего видел в своей жизни. А ты где мог дракона видеть?

– Где, где, во сне, Люк! – я видел, что он мне не вполне верит. – Он был как живой!

– Ладно, замнем для ясности, – оборвал меня Люк. – У нас еще будет время поговорить... если сам того захочешь...

Некоторое время мы молча работали, пока не услышали шум в глубине кузницы.

– Да перестань ты! – раздался голос одного из подмастерьев. Обращаясь к напарнику, он говорил громко, – клинок на этом мече просили сделать обоюдоострым и листообразным!

– Но это неоправданно, сюда, под такой эфес, лучше подойдет бастард, иначе будет сбита балансировка! – возбужденно отвечал другой. – Смотри сам, как лучше? – он взмахнул заготовкой.

Дважды коротко свистнул кнут – это Медведь со всей силы стегнул по спинам подмастерьев и приказал:

– Ну-ка, оба – марш во двор!

Хмурые подмастерья, сопя и поеживаясь от ударов, пошли к выходу. Медведь оглядел оставшихся в кузнице работников и заботливо поинтересовался:

– Еще кому-то хочется отведать моего кнута? Хвала небесам! Спокойно продолжаем работать. Я сказал – спокойно, всем это понятно?

Я испуганно кивнул, остальные молча продолжали свое дело.

Медведь вышел во двор и раздался его зычный голос:

– Кузница – наш храм, сколько раз было говорено? Уместны ли свары в храме? Не вы сейчас говорили, это говорил меч вашими устами. Обнимитесь и просите прощения друг у друга. Знаю, непростой заказ попался, так не разрушайте его до того, как сделали. Оба наказаны: завтра переходите на кольчуги. Сделать двойную норму.

Я ничего не понимал: как же так, ведь подмастерья хотели сделать меч лучше, потому и заспорили? Неужели за это наказывают?

– Люк, почему?..

– Все вопросы к мастеру, – неохотно ответил Люк, помолчав.

В кузнице стало совсем темно: забегали ученики, зажигая лампы. Хозяин рывкнул, чтобы остались только старшие подмастерья, а остальные шли на вечернюю службу и отдыхать...

Я не привык, чтобы возникшие вопросы оставались без ответа. Мой Господин почти всегда давал объяснения (за исключением тех случаев, когда просто не хотел отвечать). «Попытка – не пытка», – решил я и подошел к Медведю:

– Мастер, всего один вопрос, можно?

– Давай, Цыпленок. Если у тебя сразу возникли вопросы, значит, ты привык мыслить.

– Почему вы наказали кузнецов? Ведь они хотели, как лучше...

– Ты когда-нибудь слышал о знаках и символах? Видишь ли, Цыпленок, лучше – не знает хорошо. Ладно, попозже продолжим разговор, не до тебя сейчас, уж извини...

Местом для ночлега оказался чердак кузницы. От горна там было тепло, а душистое сено, покрытое домоткаными ковриками, было лучше самой мягкой постели. Но я лежал на спине и никак не мог заснуть.

– Не спится? – тихо спросил Люк.

– Не спится, – ответил я и сел, подтянув к груди ноги. – Люк, можно тебя спросить?

– Давай, спрашивай! – разрешил он.

– А почему ты запретил говорить о Медведе?

– О, это длинная история! – задумчиво ответил он. – Понимаешь, Санчо, наш хозяин не всегда был кузнецом. Все, кто давно его знает, рассказывали, что он был воином, каких поискать. Нанимали его феодалы на службу за золото, да и то не каждому везло. Однажды ему показалось, что капитан Клод в бою нарочно убил рыцаря, чтобы не платить ему долг за про-

игрыш в кости. Хозяин разругался с ним и ушел, куда глаза глядят. А Клод и вправду оказался подлым человеком. Опасаясь разоблачения, он нанял ведьму, чтобы навести порчу на нашего воина. Вскоре в том месте, где поселился наш хозяин, было совершено жуткое преступление. Местные жители обнаружили на пустоши в последний день перед новолунием труп человека с выжженным сердцем, а кругом какие-то черные свечи, заколотую черную курицу и медвежьи следы. Вот местные и решили, что в деревне появился медведь-оборотень. Не разобравшись, во всем обвинили нашего хозяина, схватили его и хотели сдать инквизиторам. Да попробуй его удержать, в нем же силища какая! Понял он, кто хочет от него избавиться. Пошел было к тому капитану, да по дороге повстречал зеленоглазую красавицу. Не догадался он, что это ведьма. Опоила красотка его зельем – умом он тронулся. Встретил своего друга, да решив, что это медведь, убил его стрелой из арбалета. Только увидев кровь, бьющую из раны друга, пришел в себя и все понял. Вступил в бой с той ведьмой, покалечился весь, но ее порешил, распластал ее... Знаешь, что это такое? После этого, весь израненный, попал он в руки к хорошему лекарю. Тот по кусочкам ногу ему собрал, сейчас почти и не видно, что хромает. А вот шрам-то на лице остался... Вот и подумай, почему он слово «медведь» слышать не может? Наши говорят, что до сих пор на него изредка находит ведьмино проклятие, тогда он уходит из мастерской и не возвращается пару дней. А девушки болтают, что не может он забыть ту красавицу-ведьму. Кто знает, где истина?.. А скажи, Санчо, правда, что твой хозяин, вроде, инквизитор?

– Почему «вроде»? – удивился я. – Он и есть инквизитор, только высшего ранга.

– А что это такое?

– Честно говоря, я и сам еще не очень разбираюсь в этом. Вот есть король, так? А есть Папа Римский. А при Папе есть Великий Инквизитор, начальник всех инквизиторов, которые борются за порядок и законность. Если Великий Инквизитор, не дай, Боже, помер, или сам захочет оставить сей пост, тогда нового выбирает Совет Инквизиции. Вот мой Господин и возглавляет этот Совет. Получается, что он стоит почти вровень и с Папой Римским, и с королем. В общем, только три человека имеют право давать ему приказания: Папа Римский, король и Великий Инквизитор.

– Да уж, – задумчиво произнес Люк, – большой человек твой господин, так получается. А что, господин такой лютый, как рассказывают про инквизиторов?

– Глупости какие, Господин ценит жизнь, как никто другой! Давай-ка расскажу тебе один случай, что произошел недавно. Тогда ты поймешь, кто таков Инквизитор высшего ранга, – с досадой отмахнулся я от глупого вопроса и приступил к рассказу. – Например, как-то мой Господин спас целую деревню от костра. Простолюдины в ней вдруг стали одержимыми. Казалось, Господь лишил их зрения, слуха и мозгов. Направили туда целый отряд рыцарей и нескольких падре, но они ничего не могли поделать: жители продолжали бесноваться, бились в судорогах и корчах, утверждали, что их совращает сам сатана. И только мой Господин понял, что виной тому мука, из которой пекли хлеб, а ведьм в деревне-то и не было. Хвала небесам, что Господин появился в той деревне вовремя!

Как зачарованный, затаив дыхание, слушал Люк мою байку, а потом спросил:

– А тебя своему ремеслу он учит?

– Мы только начали обучение, – признался я и вкратце рассказал ему про «бац!».

– И ты чувствуешь своего инквизитора? – недоверчиво поинтересовался Люк. – Например, где он сейчас, что делает?

– Попытаюсь почувствовать, – я сел поудобнее, сосредоточившись на своих ощущениях. – Он где-то недалеко, но не здесь. Сейчас он занят... Я, кажется, побеспокоил его.

– Интересно, как тебе это удастся? – весело спросил Люк. – Научишь меня так чувствовать?

Я пожал плечами:

– Это приходит само собой откуда-то отсюда, – я провел рукой от головы к животу и вздохнул, – мне тебя этому не научить. Я же не инквизитор, а только его слуга.

– А бою он тебя тоже учит? Он ведь с ведьмами сражается.

– Нет, мы же только начали обучение.

– Жаль, – покачал головой Люк. – Хозяин говорит, что вначале человек растит силу тела, затем он обретает волю – силу духа. Потому каждый день у нас начинается с коллективного махалова, – увидев мое недоумение, Люк продолжил, – ну, так мы называем тренировки с мечами, дротиками, луками, палками. Хозяин гоняет нас по часу в день – растит силу тела и духа. Рубимся, как проклятые! Хочешь, я скажу ему, чтобы он тобой занялся? Он классный наставник.

– Не знаю, Люк, входит ли это в мое обучение. А чего ты так беспокоишься обо мне?

– У тебя есть друзья? – тихо спросил Люк.

– Друзья? – вполне искренне удивился я. – А зачем они мне?

– Друг – это человек, которому ты можешь рассказать все-все, – пояснил Люк. – Он не ударит тебя кинжалом в спину, никогда не предаст. Он поделится с тобой всем, что у него есть: хлебом, деньгами и одеждой, он даст тебе кров над головой. Он всегда рад тебя видеть и ты скучаешь по нему, если вы долго не встречаетесь. Без друга плохо, Санчо!

Я задумался: в какой-то степени другом мне был Господин, но я понимал, что это не то, о чем сейчас сказал Люк. Другом мне был Пако, я скучал по нему. Но Пако – ворон, не человек. Люк все ждал моего ответа.

– Знаешь, Люк, у меня, кажется, нет друзей. Мы так часто переезжаем с места на место, что я даже толком ни с кем познакомиться не могу.

– Здесь у нас много парней и мальчишек, но ты совсем другой, – задумчиво произнес Люк.

– Да, наверное, я другой, – охотно согласился я. – И мой Господин это знает.

– Интересно, каково это быть не таким, как все? – Люк, помолчав, вдруг спохватился, – слушай, друг, мы с тобой проболтали всю ночь! Давай-ка подремлем хоть час-другой. А утром я скажу о тебе хозяину.

На улице было еще темно, когда Люк растолкал меня. До чего же не люблю вставать в такую рань! Но Люк вполне серьезно произнес:

– Кто опоздает на махалово, останется без утренней еды!

Волшебное слово «еда» прогнало остатки сна и я начал было одеваться. Люк, улыбаясь, объяснил: на махалово все выходят в одних штанах, обнаженные по пояс – в любую погоду. Пока я, позевывая, натягивал штаны, Люк уже выскочил во двор. Я помчался за ним, но все-таки немного опоздал: подмастерья, ученики и мужское население деревушки уже стояли двумя шеренгами, перед которыми прохаживался мастер. Медведь (про себя я называл его только так) неодобрительно глянул на меня, но промолчал. Люк призывно махнул рукой, мол, давай сюда. И я, посиневший, покрытый мурашками от холода – вылитый цыпленок! – занял свое место в строю. Люк быстрым шепотом подсказал:

– Сейчас будет молитва, а потом просто повторяй движения мастера...

– Люк! – последовал тотчас властный оклик и Люк послушно умолк.

Вознеся хвалу Господу и попросив его покровительства, мужчины приступили к сопению, пыхтению, вздыханию, маханию руками и ногами в разные стороны. Я абсолютно не понимал смысла этих телодвижений, но старался не отставать и лупил воздух кулаками и ногами изо всех сил, выдыхая вместе со всеми: фуух! Слава Создателю, хоть согрелся!

Потом последовала команда Медведя:

– К бою!

Мужчины кинулись к стойке с... деревянными мечами (конечно, это вызвало у меня взрыв веселья) и, расхватав их, встали в пары. Мне пары не хватило, поэтому Люк по кивку

Медведя показал мне, как нужно встать, как взять меч и пару ударов, которым я должен был научиться. И вот началось махалово: все бьются деревянными мечами, а я, как дурень, рублю воздух перед собой. Наверное, я выбрал самый неудачный меч: большой и тяжелый. Вдобавок рукоять мигом набила на ладони кровавые мозоли. Ну, не повезло, так не повезло!

Медведь, кинув пару раз на меня цепкий взгляд, подал знак своему напарнику остановиться и пошел ко мне:

– Цыпленок, этот меч длинный, он тяжел для тебя, – наклонившись, он подобрал с земли камень и неожиданно запулил в меня. – Лови!

Поймать не получилось, но я отбил камень в сторону левой рукой (в правую-то мне Люк сунул меч).

– Ты левша? – то ли вопросительно, то ли утвердительно произнес Медведь.

Я пожал плечами: кто его знает?

– Какой рукой нож держишь? – спросил Медведь.

– По обстоятельствам, – тихо ответил я, подумав: «Вот же привязался! Какая разница?».

– Обоерукий – амбидекстр, прекрасно! – одобрительно кивнул Медведь (слава Богу, хоть что-то во мне его устроило). – При бое в башнях тебе б цены не было, если бы подучился, как следует.

Он ушел в кузницу и вышел, держа в руках какой-то клинок:

– Этот кинжал – настоящий квилон, Цыпленок. Мне он не раз спасал жизнь. – Медведь любовно погладил ножны, украшенные узорами. – Держать его нужно вот так, а работать им – вот так, так и так!

Сделав несколько выпадов квилоном, Медведь встал позади меня, вложил в мою левую руку квилон и вместе со мной сделал несколько колющих, рубящих и вращательных движений.

– Чувствуешь, он удобнее меча. Тут важно, чтобы техника твоего шага совпадала с действиями рук. Эта ловкость приходит только при долгих тренировках, – Медведь вытащил из моей руки деревянный меч и предложил, – ну-ка, давай сам!

Понаблюдав за моими неумелыми движениями, он почему-то остался доволен (я почувствовал это) и крикнул:

– Люк, тащи!

Чуть не взвизгнув от радости, Люк помчался в дом, где жил Медведь с семьей. Появившись буквально через несколько мгновений, он подал мастеру два меча. Окинув толпу взглядом, Медведь кивнул одному из подмастерьев: ты! – и протянул ему оба меча. Тот выбрал себе меч, поклонился и отошел в сторону. Когда он повернулся снова лицом к Медведю, я не узнал его – это был настоящий хищник с огнем в глазах, опасный противник. Медведь похлопал его по плечу, что-то тихо сказал и оба, радостно заржав, встали на свои позиции.

Начался бой. Нет, сеньоры, это был не бой, а танец! Клянусь, я подобного не видел никогда в жизни, да и вы, уверен, тоже. Теперь я понял, о чем рассказывал мне ночью Люк. Медведь, эта гора мышц, оказался настолько гибким и стремительным, что, казалось, просто порхал, едва касаясь земли ногами, пригибаясь, уворачиваясь от ударов подмастерья. Да, сеньоры, это был настоящий рыцарь – умный, хитрый, расчетливый и смертельно опасный. Он жил боем, он наслаждался каждым движением, хитрым выпадом и ударом меча.

Вокруг слышались одобрительные возгласы при особо дерзких атаках противников, разочарованный шум при просчетах. Я оглянулся и увидел, что к толпе зрителей присоединились и женщины, наблюдавшие с не меньшим, чем мужчины, интересом за поединком. Складывалось впечатление, что все население деревушки знало толк в битвах.

Особо удачный удар Медведя – и подмастерье, поскользнувшись, чуть потерял равновесие и коснулся рукой земли. Медведь захохотал и шутиливо поднял обе руки вверх – конец боя. Раздался гром аплодисментов, видно, не часто бывший рыцарь устраивал такие показательные поединки. Я, забыв о мозолях, тоже неистово бил в ладоши: славный был бой!

– Вот так, Цыпленок, бьются настоящие воины! – повернувшись ко мне, прорычал Медведь. – Когда меч станет продолжением твоей мысли и руки, когда ты будешь одним целым со своим оружием, только тогда станешь отличным мечником...

Мечи, которыми дрались Медведь и подмастерье, мы с Люком рассматривали с восторгом. На клинках змеился узор: какие-то диковинные листья и изображения драконов. Люк сказал, что этими мечами Медведь орудовал, когда был рыцарем-наемником, и очень дорожил ими, не разрешая прикоснуться посторонним...

Весь день Медведь с учениками заканчивал работу над заказом. А наказанные Медведем старшие подмастерья дружно, как братья, плели кольчуги, кидая тоскливые взгляды в сторону наковальни и горестно вздыхая. Двойную норму они сделали вскоре после полудня...

На следующий день я стал свидетелем забавной истории. В кузницу за своим заказом приехал расфуфыренный сеньор в сопровождении конной дружины. Мне они сразу не понравились.

Из кузницы вышли все работники во главе с Медведем. Встав в ряд, плечо к плечу, они держали руки за спиной. И ваш покорный слуга Санчес Роберто, сеньоры, стоял в одном ряду с ними.

Люк вынес большой футляр и с поклоном протянул его сеньору. Свысока, как бы делая огромное одолжение, тот попытался открыть хитрый замочек футляра, но у него ничего не получалось. Люк, словно специально выждав момент, когда он запутается окончательно, легко, одним щелчком открыл замок. Сеньор неторопливо, растягивая удовольствие в предвкушении чуда, раскрыл крышку футляра: на дне, оббитом черным бархатом, лежала... ржавая кривая кочерга. Сеньор в полном недоумении смотрел то на футляр, то на кузнецов, то на свою свиту. Казалось, что он полностью выбит из седла:

– Опять твои штучки, кузнец?

– Это не штучки, сеньор, – тихо произнес Медведь. – Это та вещица, цену которой назвал ты, посчитав мою непомерно высокой.

Не допуская даже мысли, что какой-то кузнец может иметь профессиональную гордость и смелость отстаивать свои интересы, расфуфыренный несколько растерянно произнес:

– Это просто шутка, – вдохновленный вовремя пришедшей в его голову идеей, он повторил несколько раз, – да-да, это шутка! Просто шутка! Браво, кузнец, браво!

Он даже несколько раз хлопнул в ладоши и деланно хохотнул. Дружина подхватила смех.

Обретя былую уверенность, сеньор прошелся перед строем кузнецов и на какое-то мгновение задержал взгляд на мне. Почувствовав его замешательство, я удивился: чем я, начинающий ученик кузнеца, смог его заинтересовать? С любопытством ожидая продолжения представления (уверен, что это было именно представление, имевшее давние веские причины), я взглянул на Медведя и его мастеров. На их лицах не было никаких эмоций – безмятежное спокойствие!

– Это была веселая шутка, кузнец, – медленно, растягивая слова, сказал сеньор. – Надеюсь, что мой заказ не окажется таким же ржавым, как кочерга?

Медведь грустно вздохнул и посмотрел в серое небо:

– Ну, как сказать, сеньор, как сказать...

Я просто ошалел, увидев, как мастера спокойно вытащили из-за спин мечи и поставили их перед собой острием в землю. Всем естеством я чувствовал, как они в душе хохотали, потешаясь над этим олухом и его дружиной.

Резко повернувшись, сеньор всмотрелся в один из мечей, который держал русоволосый старший подмастерье, тот самый, который был живописцем драконов.

– Но этот меч... Кузнец, он ржавый. Кажется, твоя шутка затянулась.

Молниеносным движением мастера всадили мечи в подмерзшую землю по самые рукоятки, а через мгновение медленно вытащили их и подняли над головами – клинки мечей сияли

голубизной, бликами отражая свет тусклого предзимнего солнца. «Ах!» – эхом прокатился восхищенный гул над головами дружины сеньора.

– А сейчас, сеньор, ты увидишь ту вещь, истинную цену которой тебе может сказать любой мастер из гильдии кузнецов.

Из двери кузницы Люк вынес меч в ножнах, над которым трудились все мастера столько времени. Расфуфыренный с трепетом взял меч в руки, вытащил из ножен и залюбовался переливами металла клинка, изящной гардой и эфесом. Как завороченный, не отрывая взгляда от меча, он сделал несколько взмахов и вдруг спросил:

– А каков он будет в бою? Не поржавеет ли мой меч через время, кузнец?

Медведь пожал могучими плечами, криво усмехнулся – шрам на щеке стал виднее:

– От тебя все зависит, сеньор, только от тебя. Мне бы он служил верно долгие годы.

Кузнец оглянулся по сторонам и, слегка кивнув головой в сторону одного дружинника, попросил:

– Не будет ли любезен твой дружинник одолжить мне на время свой шлем?

Сеньор, видно, ожидая очередного подвоха, хотел было возразить, но его взгляд опять скользнул по моему плащу. Пауза затягивалась – Медведь ждал ответа. Сеньор нехотя кивнул дружиннику. Тот подъехал к Медведю и протянул ему снятый с головы шлем.

Кузнец, отодвинув руку дружинника подальше от коня, приказал ему:

– Держи-ка свой шлем покрепче, не урони! – и взмахнул мечом.

Тулья шлема отлетела в сторону, как осенний листок при порыве ветра. И сеньор, и его дружина оцепенели, раскрыв от изумления рты.

– Мой шлем!.. Да он столько раз спасал мне жизнь, а тут – раз! И шлема нет. Как в масло меч вошел, – быстро заговорил дружинник. – Сколько живу, такого не видел.

Сеньор, сглотнув слюну, облизал губы:

– Твоя взяла, кузнец! – он вытащил тугой мешочек с деньгами.

Люк передал мешочек Медведю и звонко захохотал. Его смех подхватили и кузнецы, и даже хохотнул кто-то из дружины олуха.

Медведь проводил взглядом отъезжавших гостей, покачал головой и сказал, обращаясь к своим мастерам:

– А что было делать? Зато он надолго запомнит этот случай и другим расскажет: наша гильдия – лучшая!

– Мастер, а почему сеньор так на меня тарашился? – улучив удобный момент, спросил я Медведя. – Я что-то не так делал?

– Да нет, Цыпленок, тут другое. Он не понял, как себя вести, понимаешь? – засмеялся кузнец. – У моих-то на плащах герб гильдии, а у тебя – и герб гильдии, и герб инквизитора. Гильдия – это одно, а вот покровительствующий гильдии инквизитор – совсем другое. Когда я был рыцарем, у нас было железное правило: один за всех – все за одного. Здесь что-то в этом же духе: посягательство на жизнь или честь слуги инквизитора, тот может расценить, как посягательство на самого себя. Сеньор-то это сразу понял: тут граница, за которой не его огород. Он хоть и гордец, но не дурак. Такие вот дела...

Помолчав, Медведь добавил:

– Ты видел мой герб – герб моей гильдии? Щит, разрубленный пополам мечом, – знающему человеку это говорит о многом. Меч, как ни странно, не символ защиты, нападения или обороны. Меч – это символ разрушения и раздора. Ты видел наши тренировки: мы всегда сражаемся без щита – это закон. Щит наш – не железный каркас, обтянутый кожей. Наш щит здесь, – он стукнул себя по груди и голове и, хмыкнув, покачал головой. – Каждый символ несет в себе как энергию жизни и творчества, так и энергию смерти и разрушения. Пока ты не прикоснулся к символу, он находится в покое – ни плох, ни хорош. Но появился ты со своими мыслями и символ – меч или жезл, кубок или динарий, дракон или единорог, любой сим-

вол – сразу впитывает в себя твою сущность и приходит в движение. Ты добр и спокоен – меч начинает творить прекрасное. Ты зол или печален – меч переключается на другую сторону, включая энергию разрушения. Герб нашей гильдии напоминает о двойственной энергии символа – меча в нашем случае...

– Это очень похоже на воду, – глубокомысленно изрек я. – Наставник-водонос требовал, чтобы мы шли по воду только в хорошем настроении, выкинув все беды и печали из головы. Вода ведь чувствует человека.

– О том я и толкую, Цыпленок. То же происходит с нашим мечом, только многократно усиленное энергией огня. Ты вот как-то заступился за поспоривших подмастерьев, мол, хотели лучше выполнить работу, переживали. «Discussio mater veritas est». Спор, возможно, и рождает истину, как говорят древние философы, но не в случае с мечами. Тут все наоборот: своим спором, гневаясь, они могли сдвинуть меч со срединного пути, включив разрушающую энергию, а тогда пощады не жди. Они невольно перешли на темную сторону, за то и были наказаны: повелись, как слепые щенки, не совладав со своими чувствами, а должны были оставаться на срединном пути. И впредь я буду жестко пресекать в кузнице распри: создавать шедевры нужно в тишине. Разные люди приходят к нам, с разными судьбами и принципами. Они могут включить одну из сторон энергии меча. И как глава гильдии, я всегда помню и о хтонической, разрушающей, и о созидательной силе меча. Мы обязаны гасить темную энергию, не доводя ее до критической точки, такие дела, Цыпленок...

Потянулись будни декады: я качал меха у горна, держал щипцами раскаленные бруски железа, таскал их на переплавку, заливал металл в формы, плел кольчуги, сверлил дыры в броне под клепку... И каждое утро теперь уже я будил Люка, чтобы бежать на махалово. Нужно ли говорить, что уезжая из кузницы, я увозил с собой великолепный перстень с головой орла и квилон, изготовленный мною под неусыпным контролем Медведя?..

– Жаль тебя отпускать, – сказал он в конце декады. – Еще несколько годков и я бы сделал из него отличного рыцаря, мечника, правда, Люк?

– Да, отец, – охотно согласился Люк и, засмеявшись, добавил, – если Санчо выгонит его господин, мы охотно примем его в нашу гильдию кузнецов!

Карамба, ну и тупое же я существо! Как я не заметил, что Люк – точная копия Медведя, только поменьше размером?! Посыпаю голову пеплом, сеньоры...

Я уже было пошел собирать вещи, когда услышал тихие слова Медведя:

– Не хотелось бы тебя разочаровывать, сынок, но... Понимаешь, Люк, там, где наш Цыпленок служит, не увольняют и не выгоняют...

– Но почему, отец? Я же могу уйти в рыцари, ты сам говорил об этом не однажды.

– Люк, пойми: у него особая служба. От святых отцов-инквизиторов не уходят, – медленно и серьезно, размышляя, ответил Медведь. – Оттуда только выносят вперед ногами. Слишком много Цыпленок знает такого, чего нам, грешным, знать не положено.

– Я сразу понял, что он не такой, как все мы, отец.

Я оглянулся. Медведь, обняв сына за плечи, смотрел мне вслед такими глазами, что я почувствовал себя виноватым, непонятно в чем...

И снова бежала вдаль дорога, уводя меня все дальше от славной кузницы, которую я полюбил всей душой, и звучали слова Медведя, передающего меня следующему мастеру:

– Передаю тебе душу и тело слуги инквизитора, Санчеса Роберто. Учи его, как считаешь нужным...

Над заснеженным крыльцом роскошного дома моего нового наставника висела то ли икона, то ли картина в ажурном окладе с изображением молодого кудрявого мужчины в белом хитоне с лавровым венком на голове и лирой в руках. Медведь тихонько пояснил, что это – древний бог Аполлон, покровитель искусств, высказав предположение, что это герб маэстро, моего нового учителя. Слово «маэстро» я услышал впервые и мне оно понравилось.

Из дома вышел мужчина с каштановыми кудрявыми волосами, гладко выбритым лицом, насмешливыми, серыми глазами и крупным прямым носом. Его изысканная одежда, походка, благородные манеры – все наводило на мысль о безупречном вкусе. Из-за его плеча выглядывала, опираясь на суковатую палку, морщинистая, кривобокая старуха с седыми космами, в убогом рубище, из-под которого кокетливо выглядывал кончик красной туфельки. Пока Маэстро (так я с ходу окрестил моего нового наставника) читал письмо Господина, старуха схватила трясущимися руками мешочек с деньгами и заковыляла в дом. О, Боже, она еще и горбата! Медведь, слегка толкнув меня, прошептал:

– Цыпленок, у твоего Господина отменный вкус.

Вот только я не понял, пошутил он или сказал это серьезно?

Дочитав письмо инквизитора, Маэстро как-то особенно поклонился Медведю. Я был сражен наповал тем, что Медведь ответил точно таким же поклоном, будто проделывал это сотни раз.

– Прощай, Цыпленок.

Я низко поклонился кузнецу, поблагодарив за науку.

– Если вам с инквизитором понадобится оружие, ты знаешь, к кому обратиться, – Медведь широко улыбнулся и шрам несколько не испортил его лицо.

Вскочив на коня, он поскакал по темной улице. Медленно падавший снег быстро скрыл его из виду, только гулкий цокот копыт по булыжной мостовой слышался еще несколько мгновений.

Маэстро, деликатно дав мне попрощаться с Медведем, приобнял меня за плечи, и мы вошли в дом. Господи, такой красоты я еще никогда не видел! Стройные колонны подпирали потолок, обрамляя по кругу большой зал с арками, лестница с резными перилами на второй этаж, куча узорчатых дверей, неизвестно, куда ведущих. Низкие диваны с атласными подушками, несколько кресел, похожих на троны, плотные шторы красивыми складками прикрывали узкие стрельчатые окна. Мозаичный пол сверкал, будто его только что натерли. И свет – всюду свет! В канделябрах горело множество свечей.

Я замер на пороге, пораженный этим великолепием. Да куда же мне ступить – мокрому от снега, в грязных сапогах, пропахшему лошадиным потом?!

Довольный произведенным впечатлением, Маэстро пояснил:

– У нас сегодня праздник. Знаешь ли, человек должен уметь устраивать себе маленькие радости, чтобы скрасить серые будни. Мы встречаем слугу инквизитора: такое событие требует чего-то особенно яркого и запоминающегося.

Облизнув пересохшие губы, я ответил:

– Вам это удалось, Маэстро!

– Маэстро? Ты назвал меня Маэстро?

– Нет, господин, – покачал я головой. – Так вас называл мой прежний наставник, кузнец. Я лишь повторил это слово.

– Кузнец... Маэстро... Так звали меня давным-давно, – задумчиво проговорил он. – Что-то такое знакомое, но этот шрам... Вспомнил! Странствующий рыцарь, да-да, мой спаситель! Я был бродячим гистрионом, жонглером, шпильманом или голиардом, в общем, артистом. Неудачно выполнив сальто, я вывихнул сустав и не мог работать. Рыцарь был добр ко мне и быстро поставил меня на ноги. Маэстро – это слово всколыхнуло самые тонкие фибры моей души. Так и зови меня впредь.

Я поклонился и замер: по лестнице спускалась горбатая старуха, опираясь рукой в кольца и браслетах на перила.

– А вот и Принцесса! – глаза наставника лукаво блеснули.

– Я не принцесса, а Брунгильда. Ты опять забыл мое имя! – неожиданно звонким голосом воскликнула она. – О чем вы тут болтаете? Ребенка нужно привести в порядок.

– Брунгильда – имя, похожее на кирпич, – задумчиво заметил Маэстро и, покачивая головой, улыбнулся, – его невозможно запомнить! Она всегда ворчит на меня. Виновен ли я, что у меня плохая память на имена? Вот и твое имя я запомнил, едва прочитав. Не будешь ли ты любезен, повторить его вновь?

– Санчес Роберто Нортон Рохас, Маэстро.

– О, как длинно! Пожалуй, я буду звать тебя... – Маэстро задумался.

– ...Артист, – подойдя, старуха взяла меня за подбородок и повертела мою голову в стороны. – Погляди, какие правильные черты лица, какие умные глазки – это Артист, прирожденный артист, дорогой мой. Надеюсь, это имя ты запомнишь.

Повернувшись к лестнице, старуха кого-то позвала:

– Лун Ван, милый!

Легко пробежав по лестнице, к нам подошел улыбающийся мужчина, одетый в блестящую черную одежду, расшитую желтыми драконами. Длинные седые волосы, схваченные на затылке узким ремешком, открывали высокий лоб, рот обрамляли усы и небольшая бородка клинышком. Меня поразило это человек, так не похожий на других. Мельком взглянув на меня, он слегка поклонился старухе.

– Если тебя не затруднит, займись нашим гостем, – попросила она и добавила фразу, которую я не понял, – посмотри, стоит ли игра свеч...

Лун Ван поклонился теперь уже всем и рукой указал мне, куда надо идти. Мы очутились в небольшой комнате, где стояла дубовая бочка и горели свечи, распространяя тонкий аромат. Приказав мне раздеться, он подвинул к бочке широкий табурет и махнул рукой: мол, давай, лезь. Что мне оставалось делать? Я плюхнулся в горячую воду, подняв кучу брызг. Лун Ван, помогая мне мыться, одновременно массировал меня. Казалось, что его крепкие пальцы перебирали каждую мою косточку, прощупывали каждый сантиметр тела. Когда он закончил, я почувствовал необыкновенную легкость в теле, исчезла усталость после долгого пути. Закутав меня в белое покрывало, Лун Ван указал на лавку, где лежала новая одежда.

– Это мне? – спросил я.

Он улыбнулся и вышел из комнаты. Удивительные глаза были у этого Лун Вана: холодные и мудрые. Быстро одевшись, я вернулся в сверкающий зал, где стояли, беседуя о чем-то Маэстро, Лун Ван и Брунгильда. Увидев меня, старуха воскликнула:

– Лун Ван, милый, ты сотворил настоящее чудо! Паренек и впрямь красавчик. Все за стол, торжество продолжается!

Это хорошо, что она вспомнила о еде, ведь последний раз я ел еще утром. Мы перешли в другой, не менее великолепный зал, и я опять почувствовал себя не совсем уютно. Вместо досок, положенных на пни или обрубки дерева, здесь стоял настоящий стол, накрытый белоснежным полотном. Вместо привычных по тавернам скамеек вокруг стола стояли кресла. А на столе кроме кучи больших тарелок с яствами, стояла и дорогая посуда: серебряные ложки и кубки, украшенные эмалевыми вставками и разноцветными камушками, сосуды из горного хрусталя для соусов – чего там только не было! Мы-то с Господином довольствовались малым, часто вместо тарелок у нас был, как и у всех, черствый хлеб... Старуха мне на тарелку навалила целую кучу еды и с удовольствием стала наблюдать, как я ем. Маэстро и Лун Ван тоже приступили к трапезе, только Брунгильда больше смотрела на нас и почти ничего не ела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.